

Андрей
Ермолаев

Павел
Мамонтов

ЛЮДОЛОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

...ужи Великого князя

18+

Павел Мамонтов

Людолов. Мужи Великого князя

«Автор»

«Автор»

2024

Мамонтов П.

Людолов. Мужа Великого князя / П. Мамонтов — «Автор»,
«Автор», 2024

Могуч и грозен Великий князь Киевский Владимир - всех сумел победить, даже гордая Византийская Империя склоняет голову перед ним. Могуч и уже стар - пора думать о будущем своей державы, да вот беда - детей у князя множество, от разных жен. И нельзя сказать что дружны они между собой... Тьма всегда чует кровь: сама по себе никогда не была пустой, злобная антиматерия в своей тысячелетней первозданной природе таит существ не подвластных человеческому разуму и пониманию, преследуя свои интересы, выжидая и выгадывая. Сможет ли Лютобор, верный княжий слуга, Нелюдь, как его зовут в простонародье, защитить своего князя, которого любит как отца, не дать пролиться потокам крови, что готовы затопить страну? А кому если не ему и великим мужам земли Русской этим еще заниматься?

© Мамонтов П., 2024

© Автор, 2024

© Автор, 2024

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	57
-----------------------------------	----

Андрей Ермолаев

Людолов. Мужи Великого князя

Клятый пролог.

Песий брех не умолкал в отдалении. По особым залиvistым ноткам в лае легко выводилось, что псы лают не просто в азарте погони, а на кого-то конкретного, скорее всего – медведя. Свора гнала зверя в лес, или сам матерый уводил ее туда, в надежде там оторваться. Если это болотный медведь – им будут завидовать даже князья. Сейчас такой зверь – большая редкость. Самое интересное только начиналось! Но надо было спешить – косматая гора мышц и клыков только с виду была неуклюжей, но в случае нужды – медведь мог двигаться поразительно быстро, а убивать – еще быстрее.

«Как хорошо, как же хорошо размять старые кости» – так думал Волк, бывший дружинник-гридь из Новгорода, а ныне – гроза всего Степного порубежья, удалой атаман разбойников, именующий себя ни как иначе как боярин Вольг Ольбегович. Встречный ветер хлестал иссушенное лицо в шрамах этого немолодого, но еще крепкого мужчины, как и десять-двадцать-тридцать лет назад. Это напоминало молодость, и он радовался этой приятной схожести. Жизнь – в движении, кто не двигается – уже мертв. Он понукал лошадь – быстрее, быстрее, туда! Успеть первым! Атаман никогда не запрещал своим бить зверя без него. Наоборот – жестоко бранил или даже бил тех, кто, желая ему угодить, не стрелял, имея такую возможность, оставляя право первого выстрела ему. Нет, нет – так совсем не так интересно без соперничества в забаве! Соперничество – подстегивает! Оно заставляет кровь быстрее бежать в старых жилах, это держит в бодрости! И, видит Небо, даже если зверя порешил не он – атаман все равно получал удовольствие от того бешеного азарта, который он так любил и в повседневной жизни. Первый среди равных, как в старые добрые времена, заслуженный первый – за это и боготворила его ватага... А еще, конечно, за удачливость и щедрость. Не было такого наскока, чтоб ватага понесла больших потерь или вернулась с пустыми руками. Волк, как опытный вожак настоящей волчьей стаи – всегда знал, куда надо идти и где есть чем поживиться.

Сегодня охота обещала быть еще более горячей, чем обычно – этого зверя выслеживали давно, по наводке деревенских, у которых зверюка повадился таскать овец прямо из сараев.

Стремя в стремя с атаманом неся на мохнатой степной лошади, азартно сверкая узкими степными глазами Тимар, торк, и его личный телохранитель. Тимар мог на скаку со ста шагов попасть в летящую утку, и соперничать с ним в этом было сложно, но ведь медведь не утка – еще посмотрим кто кого! Поляк Чеслав с уже приготовленным арбалетом, видимо, тоже был такого же мнения. Рядом с ним на мохнатой же лошадке скакал гость атамана, сын печенежского хана, батыр Илдей. У хана – много сыновей и еще больше воинов, но, если договориться об общем хотя бы с этим сыном – пограничье и даже само княжество еще не так дрогнет от боевых криков его ватажников и степняков. Даже под рукой этого, не самого успешного сына Большого хана Талмата – порядка трех сотен всадников. Да с такой силой – даже не каждая дружина сможет справиться!

За раздумьями атаман не сразу заметил навязчивое, словно комариный писк, беспокойство и не сразу понял, что не так. В лесу было тихо. Виляющая звериная тропа расширялась. Впереди, под разлапистым кустом, сплошное месиво серо-бурого цвета, топорщащееся вывороченными сизыми внутренностями в кровавой грязи. Все что осталось от одного из охотничьих псов. Кто-то очень крупный и сильный одним могучим усилием порвал зазевавшуюся собаку пополам! «Ох, и матерый зверище, видимо!» – атаман почувствовал знакомый трепет восторга. Гость степняк приготовил лук для стрельбы? Чтож, посмотрим, чья будет добыча!

Хоть Волк и не особо жаловал лук, но вот арбалет, подарок Чеслава – это да. Грозный боевой механизм, кованный у франков, пробивал самые крепкие доспехи тяжелой стрелой-болтом... И черепа даже крупных зверей – тех же медведей. Сможет ли совершить такой подвиг даже степной, сложносоставной лук? Атаман очень в этом сомневался, и в этом ему был подспорьем личный опыт. Он улыбнулся сыну хана – ну давай, ханыч – посмотрим, кто завалит зверя! Печенег, заметив его улыбку, тоже вежливо улыбнулся. Вежливость к старшим – одна из черт степняков, надо отдать должное. Интересно – так же ханыч улыбался князю Владимиру, когда дружина последнего разметала, размазала по степи сборную орду его и нескольких его братьев, а сам Илдей, оказавшись в окружении, сдался в полон? И был милостиво отпущен князем, только через полгода, потому что хан так и не выкупил неудачливого сына, плюнув на него, после того как услышал сумму выкупа. Сыновей у хана было множество, а вот серебра на каждого неудачливого из них – нет!

Его отвлек от воспоминаний отчаянный визг собак и мощный утробный рев. Такой мощный что, казалось, дрогнул весь лес. Нет, это определенно не заурядный зверь! Зеленые метелки ветвей хлестали атамана по лицу и бокам и, наконец, он, с небольшим запозданием, расплескав зеленый водопад кустов конской грудью, выметнулся на небольшую полянку, вслед за обскакавшим его таки, Чеславом.

Полянка, сплошь утоптанная, была залита кровью – клочья мяса и покалеченные останки собак валялись тут и там. Некоторые псы были еще живы и пытались уползти из этого страшного места, волоча внутренности и перебитые конечности. На противоположном краю поляны, на крепких ветвях огромной березы, висели облепленные мухами четыре ватажника-загонщика. Те, что еще утром отправились далеко в обход.

– Велесово гузно! – атаман оглянулся на Тимара – он еще ничего не понял, сказывался возраст, ведь звери не могут подвешивать людей на веревках за горло, они вообще ничего такого не могут... А личный телохранитель уже обегал взглядом кусты, мигом позабыв про охоту и разодранных собак. На его луке лежал уже не широкий охотничьей срезень, а бронбойная стрела с узким наконечником. Возглас удивления ватажников заставил Волка обернуться, и обмереть – поляк так и сидел на охотничьей лошади, медленно бредущей по окровавленной поляне, но в его посадке больше не было присущей ему лихости и собранности. Плечи понуро опущены, а там, где короткое время назад была голова, теперь лишь ровный срез, брызжащий фонтаном крови. Был старый боевой друг – и не стало. Атаман зарычал от ярости и потерял еще несколько драгоценных мгновений, пытаясь совладать с собой. На поляну вывалились гурьбой отставшие, разгоряченные погоней ватажники. Веселые, крепкие, азартные. И в воздухе, со всех сторон, засвистели стрелы...

– Волк – берегись! – Тимар метнул несколько стрел в возможное место засады. Атаман, уже все поняв, перекинул из-за спины легкий степной щит, чтобы хоть как-то прикрыться. Вокруг творился ад – на небольшой поляне случилась каша из бьющихся в агонии убитых и раненных коней, визг, шум, матерная ругань.

– Отходим! – рявкнул атаман, видя, как раненные кони сбрасывают и калечат его ватажников. – Живо!

Пара всадников рванула назад по узкой тропинке: отступить, перестроиться обойти место засады. Не успели они проехать и десятка шагов, перед коленями первой лошади, как змея из листвы выскочила толстая верёвка. Конь запнулся об неё и полетел через голову вместе с наездником. Второй всадник успел поднять лошадь в прыжок, перемахнув живое препятствие, но только затем, чтобы грянуться оземь, когда копыта лошади коснулись земли. В одном из копыт торчали растопыренные железные шипы, спаянные вместе и похожие на маленькую звезду. Один из шипов застрял глубоко в плоти животного. Лягаясь всеми четырьмя конечностями, лошадь закричала почти по-человечески – душераздирающе и жалобно. Атаман отчет-

ливо услышал этот первый крик, а потом отдельные звуки все пропали в диком гвалте месива, что началось на поляне, потому что опять засвистели стрелы.

Ещё один взбесившийся конь тяжело скакнул наперерез атаману, а потом, испугавшись, прынул в сторону – ватажник на нем хряпнулся вниз головой и не поднялся. Кони взвивались на дыбы, молотя смертоносными копытами, стрелы продолжали лететь. Пальцы Волка судорожно стиснули арбалет, казавшийся еще мгновение назад таким надежным. Сколько же врагов засело в засаде? С ним большой десяток его ватажников. Был. Сейчас – меньше, но остались еще ханский сын и два его воина и семеро его «бывалых». Холодок нехорошего предчувствия, ледяной волной прокатился по телу. Кто посмел на них напасть? Дружину его люди бы точно заметили. Местные собрали свою ватагу их охотничков, да решили, таки, дать отпор? Даже сейчас его воинов хватит, чтоб прорубиться через целое полчище таких горе вояк с топорами и охотничьими луками да рогатинами.

Что-то не складывалось в общей картине случившегося – как эти самые «горе-вояки» смогли незаметно для его людей притащить в засаду такое количество народа? На каждого из ватажников нужно минимум двое, а уж на тех, кто были воинами в былом, да степняков – по десятку, не меньше – иначе ничего не выйдет – как можно было не заметить такую кодлу народа так близко? Усилием воли он прогнал неуверенность.

– Отступаем! Спешиться! Борча – вперед, зови наших, мы с Тимаром – прикрываем! Спешиться лешего гузно, иначе кони-дуры сами всех перемолотят!

– Батька! Кони?

– К черту! Живы будем – вдвое наживем!

Зычный голос атамана, даже сквозь визг и крики был услышан. На поляне возникло движение – ополоумевшие кони разбежались во всех направлениях.

Миг – и вокруг спешенного атамана образовалась маленькая стена щитов спешенных ватажников и степняков с луками. Отряд медленно попятился – вслед за Борчей усакававшим на коне. Сейчас он молнией метнется к походному биваку на берегу речки – там, у атамана без малого полсотни душ. Полсотни сабель, топоров и копий. Дранные селяне еще пожалеют о своей внезапной храбрости!

Короткий гул и звон заставил Волка обернуться – прямо на него, лицом вниз, валился Тимар – короткий арбалетный болт торчал у него из затылка. От таких ран – не лечат. И тут же еще один свист – длинная стрела утонула по оперение в горле ближайшего к атаману ватажника. Илдей выпустил сразу три стрелы в место, откуда прилетела смерть. И тут же увернулся от ответной стрелы, уже с другой стороны.

Лес дрогнул от жуткого рева. Может ли так реветь даже болотный медведь? И сразу же за ревом – ржание коня и вопль. Страшный человеческий вопль. Так орали несговорчивые деревенские – при самых страшных пытках. Когда понимали, что все, что конец. Чужая стрела сбоку пробила висок одного из оставшихся ватажников. Атаман глухо выматерился.

– В круг! Внимательнее!

Илдей и степняки выпустили целый веер стрел туда, где зелень кустов еще качалась от соприкосновения с вражеской стрелой. Тишина. И вновь валится один из ватажников – с арбалетным болтом, пробившим щит и его грудь.

«Сучьи дети! Никак не меньше полсотни тварей! – решает атаман – ...откуда у них арбалеты?» Засечь хоть одного ублюдка – и тогда он покажет, что может попадать арбалетным болтом не хуже. Может не селяне, а братья по разбою? В последнее время на него многие зуб точат – разбогател, мол, не пойми как, житья другим нет от такого. Вполне может быть! Но какие же, однако, осторожные и ловкие эти вражьи ватажники! Хоть одного убить отступая! А потом – пройти густой гребенкой копий по лесу, переловить и передуть всех.

Стрелы сыпанули с двух сторон на и без того малый отрядец. На узкой звериной тропке пришлось туго.

– Назад! На поляну! Быстро! – яростно прошипел Илдей. Сукин сын, узкоглазый выродок, раньше бы поплатился за такое явное нарушение субординации, но сейчас его послушались все без исключения – все пятеро оставшихся. Быстрая пробежка до середины окровавленной поляны, свист еще одной стрелы, одному из ватажников вскользь зацепило щеку – и все. До ближайших кустов шагов шестьдесят изгвазданного обрывками собак и истоптанного конями пространства.

– Спинами к дубу! – приказывает атаман – так хоть с одной стороны можно будет не ждать нападения. «Сейчас бы большие щиты» – с тоской мелькает мысль. Нехорошие предчувствия уже не просто шепчут – воют голодным волком в голове. В оглушительно короткое время его крепкая «старая дружина» – полностью разбита. Большинство оставшихся – ранены. Теперь уже не важно, сколько селян-охотников и вражьих ватажников вокруг, если, конечно, это они – теперь на остаток отряда хватит нескольких десятков и таких врагов. Только степняк Илдей еще во что-то верит – стоит отдельно от них, всматривается, вслушивается.

– Борча! Жив? – кричит атаман, памятуя о крике. Может, все же удалось прорваться и уже сейчас верная ватага – мчится, сюда не жалея коней? Одновременно с его криком из кустов справа свистит стрела – Илдей грациозно уходит в сторону, пропуская ее буквально в пальце от своей головы. Отвечает почти одновременно – за кустами движение. Легкое, неслышное, но степняку, опытному воину и охотнику, большего и не надо – еще две стрелы срываются на звук, а следом за ними – тяжелый арбалетный болт атамана. Тишина... Новое движение кустов – прямо в том же месте. Еще несколько стрел срываются с лука ханского сына.

– Я хочу говорить с вашим главным! – атаман, прикрываемый ватажниками, выходит вперед, раздвинув щиты. Тишина ему ответом.

– Я, боярин Волг Ольбегович, предлагаю мир. Предлагаю себя в полон, в обмен на то, чтоб мои люди ушли к своим. Вы получите большой выкуп от моих людей и, со своей стороны, я даю слово, что не буду преследовать вас или чинить урон вам и вашим семьям. А те, кто пожелают – будут приняты в мою ватагу на общих основаниях. Вы – доказали, что вы – достойные воины. В том готов поклясться богами.

Вновь только тишина. Волк продолжил:

– Мое слово – вам порука. Поклянусь на крови, ежели надо. Отпустите моих людей – я останусь залогом моих слов. А нет – зачем проливать кровь еще? Давайте решим дело поединком? Я сам готов выступить против любого вами выставленного воя.

Из кустов слева вылетел «ответ» и упал к ногам атамана, пролетев добрых два десятка сажень. Отрубленная голова старого ватажника Борчи...

– Я отлично знаю цену твоему слову, Волк, – густой мощный голос, казалось, донесся отовсюду. – Мало того – я лично в нем убеждался, глядя на порубанных, изуродованных тобой и твоими людьми, селян.

– И что?

– Людей губишь как моровая язва. И последнее – отбираешь, ровно паук ненасытный.

– Людей? Так разве то – люди? Им положено пахать и платить сильным. Таким как мы. А если бунтуют – им нужно напоминать положение дел. Так делают все бояре и князья!

– Вот только ты – не князь и не боярин, – прозвучало язвительно. – И за свои злодеяния – ты сегодня уйдешь с этой поляны не на своих ногах. И – не полностью.

Буйная кровь взыграла в жилах старого атамана – он уже давно привык смотреть в глаза смерти, такое уж у него ремесло и жизнь, и просто так его – не запугать!

– Пес! Сучий потрох! Ты смеешь мне грозить? Ты – трус, стреляющий в спины из кустов! Клянусь Перуном – сколько бы вас не было – так просто вы нас не возьмете, и я еще упьюсь вашей кровью!

– Он там один, – ровным голосом поправил старый ватажник Звень. – Один, матерый вой^{*1}, что наострил множество ловушек и заманил нас в них как глупых уток.

– Один? Не может быть! – не поверил один из ватажников.

– Один, – повторил Илдей следом за Звеном. – Просто шакал очень хорошо подготовился. И все время на шаг впереди нас...

Уловив новый шорох в тех же дебрях, печенег, послал на движение разом три стрелы.

– Почти попал, – прорычал голос, но уже из другого места. – Ты хороший стрелок, сын хана.

– Хорошим я бы был, если бы уложил тебя!

Зловещий смешок был ему ответом.

– Это далеко не так просто, степняк. Поверь.

Вновь стрелы сорвались с тетивы тугого степного лука.

– Я предлагаю тебе уходить, Илдей, сын Талмата. Я не за тобой пришел.

– Зато я – теперь уже охочусь за тобой. И, клянусь Тенгри, теперь я тебя никогда в покое не оставлю. Тебя, твою семью, твоих друзей.

– Очень глупо мне говорить такое – я могу пожелать того же с твоими близкими.

– Попробуй. Лучше сам сейчас уходи. Пока еще можешь. Эти люди – мои друзья и под моей защитой.

– Ты их не спасешь. А делить нам с тобой – нечего. Ты мне не нужен.

Теперь уже усмехнулся степняк.

– А ты – шутник. Боишься схватиться с баатуром?

Из дебрей выпорхнула стрела – Илдей лишь чуть отклонил голову, пропуская ее мимо.

– Уходи, степняк. Последнее предупреждение. Обними своих жен, поживи еще пару лет – твоя голова стоит недорого. Сейчас. Потом будем воевать. Я не хочу убивать тебя.

– Это тоже не так просто, – самодовольно похвастался Илдей, ловя каждое движение в округ, каждый шорох травы и кустов.

На сей раз ответом были два арбалетных болта. Увернуться от них было нелегко – практически невозможно, даже такому великолепному воину как Илдей. Но ему и не пришлось – оба болта летели не в него – и на свете стало еще на одного ватажника меньше. Звень, глухо матерясь, хватал скользкое от крови оперение болта, ушедшего на всю длину ему в плечо и припилившего его к дереву.

– Слышишь? Эй? – проревел Волк, закрываясь щитом. – Слышишь? Пусть уйдет хоть мальчишка! Он – ни в чем не виноват. В разбое – не участвовал никогда, никого не убивал и не пытал. Слышишь?

Враг не подавал признаков жизни – ни шороха, ни треска.

– Отпусти его? Ну?

– С чего ты решил, что он его отпустит? – ехидно осведомился степняк. – Я бы на его месте не отпускал. Сопляк – запомнит. А когда вырастит – может отомстить.

– Если шакал один – то это людолов. За мою голову назначена награда, и большая. Князю нужна моя голова, а не его. Его голова – ничего не стоит для князя. Как и твоя.

– Людолов? – степняк прицокнул языком, пробуя на вкус новое для него слово. Но атаман уже не обращал на него внимания.

– Слышишь, ты? Ну? Мальченке всего тринадцать – он еще не успел ничего натворить.

– Чего же ты так о нем печешься? – нарушил тишину неведомый убийца. – Думаешь, замолишь этим все свои грешки? От них в аду все черти разбежаться будут, не юли!

– Это сын моей сестры. Я его выкрал у нее, когда увидел, в какой нужде живут. Отпусти хлопца – и я никуда не уйду.

¹ Вой – воин (древнерусск.)

Лес вновь был беззвучен, словно выжидал.

– Тебе он ни к чему – отпусти его. Слышишь?

– Добро. Пусть уходит.

Волк повернулся к степняку.

– Уводи его к нашим. Там знают, что делать.

– Я останусь.

– Нет! Уводи его. И возвращайся. Коли паду – переройте весь лес, но эту погань – найдите. Ватажников – точно хватит. Не медли!

– Дядя чего это я должен уходить? Я не пойду! – заартачился молодой ватажник.

– Нишкни, щеня! Пшел домой – к мамке! И чтоб духу твоего не было здесь сей же час!

Печенег думал, склонив голову на бок, отчего его странные для славянского глаза длинные черные косы рассыпались, опустившись ниже пояса. Коротко кивнул, и атаман обрадованно крикнул.

– Не стреляй! Они – уходят.

Лес хранил гробовое молчание. Никто не стрелял по отделившимся от дерева людям – никогда вышли на середину поляны, никогда шли по тропе, пока не скрылись из виду. Казалось, враг ушел, оставив старого атамана одного. Одна стрела – всего одна, легкая, бесшумная была послана вослед ушедшим, когда они уже были очень далеко. Послана твердой рукой, точным глазом, но на Удачу – и сегодня госпожа была явно не на стороне разбойников. Стреле досталась жертва и кровь пролилась. Но старый разбойник уже не мог этого видеть – он готовился к своему бою на смерть.

Волк отбросил в сторону арбалет, стянул через голову рубаху, оставшись по пояс голым. Вытянул хазарский меч в правую руку, в левую взял длинный широкий кинжал.

– Ну? Ну, вот он я, ты же за мной шел? – атаман потрянул мечом, пробуя кисть для боя.

– Выходи – один я! Аль ты только в спины стрелять горазд?

И вновь тишина ему была ответом.

– Где ты, тварь? Где? Выходи! Вот он я! Я тебе нужен – приди и возьми, мразь!

Волк вышел на середину поляны. Он провернул руку с саблей – клинок свистнул в воздухе как живой.

– Ну? Выходи? Витязь ты аль нет? Вот он я – здесь! Выходи, пес княжий! Трус, падаль, сукин сын! Вот он я! Ко мне шавка! Ко мне тварь, мразь, сука!

Атаман вошел в раж, глаза налились кровью – он уже попрощался с жизнью и был готов к смерти. Такие люди всегда намного-намного опаснее тех, кто хоть немного рассчитывают выжить. Но вступать в поединок – не входило в планы его противника. Враг уважил храброго разбойника – он позволил на себя взглянуть, поднявшись из густой травы на краю поляны, в двадцати шагах от атамана. Волк вздрогнул от внезапного появления людолова, совсем ни оттуда, откуда ждал, да еще и так близко от себя. Он лишь успел взглянуть в глаза своей смерти – долей секунды позже арбалетный болт пробил его храброе и жестокое сердце.

Тело еще не перестало биться в конвульсиях, когда людолов подошел к разбойнику с обнаженным ножом. Ему нужна была голова Волка, и следовало торопиться. Если он хоть что-то понимал в этой жизни – нужно было очень спешить, потому что очень скоро в этом лесу

будет очень и очень жарко, а ему еще собрать все взведенные тут и там самострелы, и прочее оружие.

Через час сюда на взмыленных конях примчались оставшиеся в лагере ватажники, но они нашли лишь десяток трупов с вырезанными из них стрелами, и тело атамана – без головы. От людолова остались лишь следы трех коней, которые сведущим людям уверенно говорили только об одном – до врага уже очень далеко.

1 глава. Клятая дорога и клятый трактир.

Небо серебрила неполная, щекастая луна – вот-вот и лес, и дорогу скроет мрак и ничерташеньки не будет видно. Заросли хрусткой бузины и колючего терна, не закрывавшие всадника и наполовину, сменили кущи благородного дубняка и подлесок. Лесостепь вечно беспокойного порубежья кончилась, лес полноправно вошел в силу, покрыв густой бородой душистую прелой листвою землю. Леса тянулись до самого Киева, а подходящих дорог было немного. Конечно, можно было бы уходить лесными тропами, но с тремя конями это был тот еще подвиг и, не мудрствуя лукаво, он выбрал основной тракт. Погоня, которую он чуял день и ночь, наконец, осталась далеко позади и лошадям, можно было дать немного «роздыху».

Лютотор Ратигорович, личный людолов Великого князя Киевского, «Нелюдь» в просто-народе, сегодня был раздражителен еще более чем обычно. Видимо оттого мелькавшие днем на обочине дороги люди, увидавшие его, хватались за обереги или мелко крестились, а иные – тайком плевали в след. Их можно было понять – такую образину, как он, незнакомый с ним человек запросто мог бы принять за выходца с преисподней. Его загорелая, смуглая кожа лоснилась от здоровья, широченные плечи были под стать былинным богатырям, а в выпуклой бочкообразной груди пряталось могучее легкое и сердце прирожденного воина, но на все это была посажена такая страшная голова и лицо, что она казалась чуждой благородному организму. Это лицо портило все, делая мужественную фигуру варварской, грубой: целые ущелья шрамов с правой стороны разваливали лицо, перекраивая, уродуя его. То были не благородные узкие шрамы от клинка – это шрамы были тоже уродливы: толстые, как канаты, кривые, бугристые, ровно чудовищные когти расплосковали лицо и правую часть головы в лохмотья, а потом выживший каким-то чудом человек, долго их сращивал, собирая лицо по-частям. Кольчужная рубаха иногда дает ощущение полной неуязвимости в бою, но это не так, и это может подтвердить любой матерый воин: тело людолова так же было покрыто косыми разрубками от мечей и сабель, бугрящимися дырками от стрел и копий и прочими другими метинами бурной и опасной жизни. Шрамы придавали воину дикости и безотчетного ощущения нечеловеческой живучести, а черная грива волос, кое-где заплетенная в косицы и включенная сейчас борода – только подчеркивали в целом скорее дикарский, разбойничий образ, так не подходящий вернейшему слуге Великого князя, коим он являлся. Людолов терпеть не мог, когда его рассматривали, и потому длинный дорожный плащ с капюшоном, новшество из западных королевств, призванное делать человека незаметным, стал его почти повседневной одеждой. Впрочем, на счет незаметности – тут были враки – как раз в таком виде, из-за малого распространения такой одежды в широкие массы, такой плащ привлекал внимание, но капюшон – делал свое дело, закрывая его лицо, потому как любой, кто бы глянул ему в глаза – тут же его узнал бы. Во всех обширных землях киевского великого княжества не было второго такого человека с такими глазами: один глаз его был зеленый, второй – янтарно-желтый и, видя такое многочисленных священники, так расплодившиеся при нынешнем великом князе с некоторых пор, уже были готовы обвинить его во-многих грехах и карах Господних.

– Крепкие у тебя, однако, хлопцы, – нарушил молчание людолов, обращаясь к отрубленной голове Вольга в кожаной сумке, притороченной к заводному коню. От тишины – тоже можно устать, хотя людолов умел ее ценить. – Не отстают совсем. Не думал, что «такие» у тебя

– есть. Но ты ведь теперь об том не расскажешь – ты теперь далеко не так разговорчив, как ранее.

Голова в суме хранила молчание, и Нелюдь кивнул.

– Проклинаешь, поди? А чего ты хотел, поперев супротив Великого князя? Это было делом времени – ты ж бывший гридь, и должен был это понимать. Ишь – свое княжество решил содейть! Да еще и на земле Великого князя?! Вот теперь висишь в тороке². Твоего хлопца – убил. Знаешь, поди, уже? Ты поступил бы так же – так что не сильно-то там проклинай. Впрочем – можешь и сильно – вряд ли твоя нынешняя «мстилка» произведет на меня большое впечатление. А ватаге твоей – и так и так теперь конец. Никаких «новых» княжеств – прямая дорога под мечи княжьих гридней. Уж поверь – я постарался загодя.

Некоторое время он ехал молча, глядя на стремительно темнеющую округу. На мальчишку в таких ситуациях не было никаких указаний, оставляя решение на людолове, полагаясь на его чутье и расчет. Лют посчитал племянника атамана опасным в будущем для множества людей и, тем не менее, положился на удачу, пустив лишь одну легкую, дальнобойную стрелу из лука – и провидение само решило судьбу мальчишки. В отрицательную для него сторону.

– Со степняком связался, тьфу – сплюнул, сменив тему, людолов. – Начерта? Они ж кровь льют нашу что воду! Твоих же людишек кровь, если рассудить? Кем править-то собирался? Степняки б всех посекли, аль продали б – и остался б ты боярином без холопов, дурак.

Голова молчала – ей явно нечего было возразить.

– Хотя... Чести ради – кто я такой, чтобы осуждать другого? Иные, к примеру, скажут, что разговаривать с отрубленной головой – не по-христиански и вообще – дурной тон. А я им скажу – идти в задницу! Когда мотаешься неделями вообще без звуков человеческой речи – поневоле волков взвоешь от тоски по человеческой речи – ведь можно вообще забыть, как это делается. Да и по-христиански – это не ко-мне. Сам понимаешь. Мое дело – малое. Ничего личного, так что не сердчай там, «боярин». А хлопцы – зря за мной гоняются. Чего привязались? Вот – молчишь, а я скажу – я просто так кровь проливать не люблю в отличие от тебя. Степняк разобиделся? Или кто еще такой лихой там у тебя? Будут упорствовать – найду способ спровадить в мир иной и их.

Походная сумка мерно стучалась о бок заводной лошади на ходу, словно кивая, и людолов продолжил.

– Там впереди трактир на перекрестке – пожалуй, там и заночуем. И лучше бы твои хлопцы б отстали – ей-ей. Хо! Заболтался я с тобой, однако, а у нас – гостья!

Почуял он ее раньше, чем увидел. Маленький светлый силуэт на дороге поначалу напряг (знал он эту разбойную повадку – выставить ребенка, аль женку чтоб путника остановить, задурить словами пустыми, а потом навалиться всей ватагой на ротозея), но других людей он не чуял, а потому направил коня в сторону силуэта, явно его дожидającegoся.

– Ну? – коротко и многозначительно осведомился он.

– Добрый христианин, боярин батюшка – проводи за Христа ради до корчмы на перекрестке? – свежее милое личико, глаза круглые как у мышки, смотрят в сторону – явно неудобно просить, да и стесняется. Вон – даже ножкой непроизвольно дорожную пылюку трет. Молоденькая совсем девчонка – ну никак не больше восемнадцати, да и то – вряд ли.

– В лесу волков слышала. Проводи, Христа ради – обузой не буду.

За спиной у девушки имелась большая плетёная котомка.

– Так уж и не будешь? – с усмешкой уточнил Нелюдь, скинув капюшон. – А если я не боярин, не добрый, да и не христианин?

Тяжелым взглядом он вперился в побледневшее от увиденного личико, с усмешкой наблюдая бисеринку пота, что выступила у нее на виске и разинутый в удивлении рот.

² Торок – кожаная сумка у седла, вероятно перенятая в обиход у степных кочевников.

– Ай, ай, как невежливо, – покачал он головой, выждав какое-то время, пока девчонка его рассматривала.

Та немного смутилась, но оторвать взгляда от ужасного лица не смогла. Конечно же, она узнала его, ведь даже на порубежье нет настолько диких людей, чтоб не слышали о любимом убийце Великого князя и его «красивой» физиономии. Вот он перед ней, во всей своей красе – рукой протяни, ухватишь за яйца – здоровенный, широченный, страшный, с длиннющей саблей на поясе и еще более страшным, огромным датским топором в чехле у седла.

– Ну? – вновь многозначительно уточнил он.

– А волков не боитесь? – неуверенно, невпопад спросила она.

– Зверь зверю глотку не вырвет просто так, без причины, – усмехнулся он, глядя на нее с высоты седла и своего немаленького роста. – Как тебя зовут?

– Василиса. Васька... А вас?

– Меня – по-разному. И зовут, и обзывают. Я уже и не упомню, как меня зовут на самом деле.

Он как можно приветливее улыбнулся, но по съежившейся еще больше фигурке понял, что сделал это зря – вот-вот лужу пустит. Улыбка никогда не красила его лицо – из-за всех шрамов она у него была похожа на судорогу, сводящую лицо в злобную рожу умалишенного. Девушка стояла, не жива, ни мертва, пауза затягивалась – страшный всадник не нападал, чтоб «снасилить и загубить душу невинную», как ожидалось, если верить слухам о нем, но и не уезжал, глядя в глубину уже по ночному темного леса. На секунду, всего лишь на краткое время, его страшные глаза блеснули совсем уж по-хищному, а замершая ухмылка стала похожа на плотоядный оскал. «Волколак! И впрямь!» – внутри бедной девушке все замерло и похолодело от догадки – ведь слышала?! Слышала, что о нем говорят, да не верила!

– Ты...

– Волколак, хочешь сказать? – ласково договорил за нее людолов.

От его голоса ей захотелось ломануться, не разбирая дороги в лес, но кажется силы от страха, совсем ее оставили.

– Может быть. Но разве же это помешает нам с тобой быть добрыми друзьями? – он лукаво улыбнулся, погрозив ей пальцем, не на секунду, не сводя с нее завораживающего, будто прицельного взгляда хищника. Так смотрит большой дикий кот за мышонком, неосторожно вылезшим у него перед мордой. Он видел тяжелую борьбу внутри ее, ее запах менялся вновь и вновь, и это его забавляло.

– Друзья? – выдавила она, наконец, решившись. – С волколаком? Ха-ха! Дружили волк с козой, правда не долго. До ночи, друзья, да? Потом – просто еда в одиночестве.

Не ожидавший такого ответа Нелюдь расхохотался во всю мощь своих могучих легких. Она тоже выдавила из себя робкую улыбку.

– С волками тогда мной только не делись – они мне не любы еще больше, чем ты.

Людолов вновь улыбнулся, но на сей раз – одобрительно.

– А ты смелая. Не боишься мне дерзить вот так?

– Ну, коль ты меня сожрешь – получается, мы сблизимся донельзя. Так что – не боюсь.

– Ну, чтож... Скажу как на духу – жрать тебя не хочу, – лукаво улыбаясь, ответил Людолов, поводя головой из стороны в сторону. – Людей вообще жрать – вредно для здоровья. В них говна много, веришь-нет, да вольнодумствования, от которого одни болезни. Лучше сожрем добрый окорок в таверне вместе! И, это, ты уж прости за то, что спугал, девка. Не хотел. Ну, вернее хотел, но – так, ничего дурного. Скучно мне, да и уже долго ни с одной живой душой и словом не перемолвился. Садись на заводную, коли не страшно. На лошади-то можешь?

– Могу, – робко улыбнулась она, блеснувшей надежде, все еще настороженно за ним наблюдая.

– Ну, так садись скорее! За мной тоже погоня – стоять столбом на тракте – нет времени.

Больше не тратя времени попусту, она взгромоздилась в седло заводной лошади, подивившись нескольким самострелам, притороченным к ней.

– Не видела самострелов ни разу?

– Нет, добрый молодец – не приходилось.

– И, надеюсь – не придется! Они голову доброму молодцу с плеч срезом срубить могут со ста шагов.

– А злому?

– И того хуже!

– Ты до сей поры не сказал, как тебя величать на самом деле, – напомнила она.

– Лют меня зовут. Лютобор. Нелюдем обзывают. А чаще просто – Людолов, хоть то не верно. Но я – привык.

Эта длинная для него речь так легко слетела с его языка, что он сам себе подивился. Девушка поежилась под тяжелым взглядом Людолова, хотя он этого и не желал. Внимательный и чуткий, как по природе, так и по долгу своему, людолов, решил лишний раз ее не пугать. Растопить лед между ними, ему показалось хорошей идеей, ведь ему далеко не всегда удавалось поговорить хоть с кем-то, даже когда вокруг был избыток народа. Потому спросил первое, что пришло в кудлатую голову.

– С Рубежа идешь? Что ты там делала?

Ответ он предполагал, но соскучившись по человеческой речи, он был готов слушать что угодно, даже многократно наскучившее, однако Василиса его удивила.

– Жених у меня там был – вместе и удрали из, отчего дома на Рубеж.

– Надо же, – старательно изобразил удивление людолов.

– Я – изверг³. Можешь поносить меня как хочешь, поучать, укорять, раз уж обещался довести куда сказал. В обиде – не буду. Только к радателям не выдавай – прибьют, я тятю – знаю. А хозяйке корчмы я внучатой племянницей прихожусь – не прогонит чай с денек другой, приютит. Она меня не отвергала, да и работала я у нее когда-то.

– Не мне судить тебя за то, что ты изгой. Не мне, – обронил Людолов после короткого раздумья. – А сбежала чего?

– Батка вторую жену себе взял. Она ему первенца, мальчонку, родила – тот слушать её стал. Она понятно на меня стала наговаривать, да не просто так змея подколотная, а чтобы со свету меня сжить! Поэтому, когда мой Воинег посватался, батка сказал, что никакого приданного не даст, да ещё пусть за меня выкуп заплатит, раз воин, то гривен много. А Воинег он не бедный, но уже на Рубеж собрался, коня купил, нового, сбрую, сам знаешь, сколько серебро нужно. Он думал – мы вместе Степь на заставе будем пахать, хлеб растить, детишек родим. В общем, села я на заводную его и уехала.

– Недолго ваше счастье вышло, как я погляжу. Дите хоть нажили?

– Нет. Что не долго – верно. Налетели копчёные, из шайки подханка Илдэя. Хотели крепость изгоном⁴ взять, да сторожа не дремала. Набег отбили да со стен печенег много побили стрелами. А вот моему – не повезло. Степняк ведь завсегда горазд стрелять в ответ. Вот Воинегу стрела и попала прямо в лицо. Сразу насмерть.

– А чего на Рубежа не осталась? – Людолов попытался отвлечь девушку от грустных мыслей, – Девка ты ладная, молодая. Хороша, как не посмотри. Дерзка и храбра не в меру, так для какого гридня-жениха – это даже лучше!

– Да это, – Василиса замялась, опять в её глазах промелькнула даже не робость, а страх. – Словом на заставе мне сказали, что я неудачу приношу, после того, как и второго, что ко мне

³ Изверг – следует напомнить, что в то время слово носило другое значение. Если толковать точно – «извергнутый из рода», изгой из семьи – за проступок или ослушание.

⁴ Быстро, внезапно.

там клинья подбивать начал – убили. Не степняки, правда, а свои уже – ненароком на охоте. Но не суть... Вот мне и сказали, чтобы езжала, куда глаза глядят.

Пару ударов сердца Лют ехал молча, а потом захохотал на весь окрест. Аж слёзы показались по шрамам на щеку.

– Не злись, – он поймал ее полный упрека и непонимания взгляд. – Ну не дуйся, кому сказал! Не в обиду я. Целая застава одной бабы испугалась?! Красивой бабы? Ох, дураки! Только не говори, что поверила в их бредни!

– Я-то что? Мне сказано уезжай – вот и поехала к родне, какая примет.

– Ух, какие вои стоят на Рубеже князя нашего свет Владимира! Сама видишь, с кем приходится земли от набегов защищать. Я про твоего суженного сказать ничего не хочу, да видать стрелу он словил, потому что вокруг него такие вот дурни сидели! Что ж, что не делается всё к лучшему – так ведь? Вон – и меня вот на дороге встретила. Разве не удача? Забудь недалеких, да прости – они под смертью часто ходят. Им и почудить можно.

– Про таких, как ты говорят «на дороге встретишь – точно к удаче», – опять съязвила осмелевшая девушка. Людолов улыбнулся – кажется, разговор налаживался.

Могучий вороной конь под людоловом запрядал ушами, тревожно всхрапнув.

– Волков чует, – ответил Нелюдь на вопросительный взгляд Забавы. – Он их издали чует – как бы они не прятались. Они его мамку зарезали, да его мальцом – подрали клыками. Вот и не любит их жутко, и при первой возможности – втопчет в землю нещадно.

– Какой замечательный у тебя конь, – она улыбнулась. – Таких и на заставе не видела, а там конячек было много.

Конь и впрямь был красавцем – сплошь угольно-черный, с белой метиной в форме полной луны на широком лбу и белыми «носками» над задними копытами. Под лоснящейся, холеной шкурой играли могучие мускулы, и хоть конь был не самым крупным из тех, что ей приходилось видеть, но такой развитой, сухой мускулатуры как у него, такой плавности и в, то же время, скрытой силы в каждом движении, она еще не видела.

– Таких на заставе – нет, – усмехнулся охотник на людей. – Они не по прибытку простым воям. Это настоящий Бухарский карабаир! Его дедушку с бабушкой из похода еще князь Святослав пригнал, как ценнейшую драгоценность. Мне его Великий князь – подарил. За такого серебра вой должен отвалить столько, что и за десятилетие не соберет.

– Можно погладить?

– Не стоит, – предупредил людолов. – Чужого он может загрызть не хуже волка, аль ногами затоптать. Ужель не знаешь? Я его Бесом назвал – за масть и буйство его.

– Не боишься, Кромки значит? А боевые кони – меня всегда любили на заставе, но, если говоришь не стоит – не буду.

– Не стоит, – согласился людолов. – Богохульно, конечно, ежели по-христиански, но ведь ему – подходит... Впрочем, есть старая легенда, что лошадки его породы рождаются с малыми крылышками над лопатками. Их непременно надо подхватить, при рождении на руки, чтобы крылышки не смялись. После их все равно не будет видно, но считается, что если сделать все правильно, то конь будет выдающимся. «Не конь, а птица» – как говорил хазарин, что к ним был приставлен.

– А твой Бес родился «правильно»? – заинтересовалась Забава, любясь, как перекатываются мускулы под атласной кожей животного.

– Не знаю, – покачал головой Нелюдь и, словно прочитав ее мысли, вновь ухмыльнулся своей судорожной усмешкой. – Его, как и других «принимал» Акуш. Теперь уже некого спросить – умер. Но покусанного волками жеребенка я выхаживал, а потому он меня – принял и любит.

Грубая, мозолистая длань, ладонь настоящего воина, ласково потрепала коня по гриве – тот добродушно ржанул, несколько раз кивнув головой.

– Какой забавный – будто понимает все.

– А мы друг друга и понимаем, – улыбнулся людолов. – Оттого и доверие.

Заводные кони испуганно захрапели, лошадь под Васькой, заржав, затанцевала на месте, и лишь конь людолова не испугался, но злобно прижимая уши, гневно зафыркал. Большой серо-темный зверь сидел прямо на дороге, еще четверо угадывались в кустах – готовые прийти на помощь первому, в случае необходимости.

– Ой, мама... – съежилась попутчица в седле испуганной лошади.

– Ну? – спросил людолов огромного волка, как совсем недавно спрашивал ее.

Волк не ушел, оскалив вдруг блеснувшие в свете луны длинные, молочно-сабельные, острые клыки.

– И что мы будем делать, серый? – правой рукой Нелюдь огладил рукоять сабли. – Аль ослеп?

Волк не сдвинулся с места, скалясь.

– Не хочу я проливать твоей крови, серый брат. Но если не уберешься – придется, а я это – умею. Аль не чуешь?

Волк прекратил скалиться, с любопытством прислушиваясь к его голосу.

– Иди уже – весна-красна – добычи в лесу – уйма. Не из-за чего нам с тобой ссориться. Да и я – не вкусный, – сказал Нелюдь и легонько тронул коня пятками по бокам. Бес пошел вперед – ему тоже волк был безразличен: этого он успеет втоптать в пыль дороги, прежде чем подоспеют другие. А уж тех – возьмет на себя хозяин.

Волк, склонил голову набок, наблюдая за приближающимся всадником. Не двигаясь с места, все еще не признавая их силу.

– Васса, милая – следуй за мной – они не тронут, – уверенно сказал людолов, взяв под уздцы ее испуганную лошадь. Волк, вдруг окинув на прощание их холодным взглядом, прыкнув, прыгнул в кусты и помчался в лес – следом потянулись и остальные.

– Ты их понимаешь? Что он тебе сказал?

– Что молодым девонькам – лучше не верить в сказки. То для них может быть вредно.

– Вот ты упрямый ж какой?! Ну, расскажи – интересно же? Ведь на других – кинулись бы! Сама видела! Всего-ничего, но ух и страху ж я натерпелась...

– Помолчи, тархтелка, я думаю.

Возбуждение после страха мигом прошло, девчонка надулась от обиды, но ему было плевать – он слушал дорогу и еще долго не проронил ни слова.

– Таверна – близко! – уверенно определил он, заставив ее вздрогнуть от своего голоса, после долгой тишины.

– А я решила, что ты надулся от гордости, и не будешь говорить вовсе, – буркнула она, глядя в сторону.

– Надулся? Я? – он вновь захохотал. – Какая ж глупость, Васька. Если ты хоть немного слышала обо мне – должна знать, что я совсем не тот, кто кичится родом.

– То, что я про тебя слышала – по большей части брехня, как оказалось, – буркнула она, подозрительно косясь на него.

– А ну-ка?

– Если верить тому, что говорят – то кровожадный Нелюдь должен был не от волков спасать, а сам вместе с ними одинокую путницу сожрать. Или насилить. Или насилить, а потом – сожрать.

– Вот оно что, – кивнул кудлатой тяжелой головой людолов. – Ну – еще не вечер, ведь так? Может чего, и придумаю этакое, чтоб удивить.

– Тебе совсем не было страшно там с волками? – осторожно спросила она. Женщина есть женщина – будет любопытной и в старости. Лют усмехнулся.

– Нет. Волки сытые сейчас – даже не знаю, отчего эти вышли на дорогу. Напасть? Могли бы, если б мы побежали, а так, на вооруженного – не стали бы. От меня ж разит железом и кровью на сотню сажень с подветренной стороны – любой зверь почует.

Лес нехотя отступил широкой прогалиной вокруг дороги, и стали видны огни таверны – это было большое огороженное частоколом здание с множеством пристроек и домов рядом. Здесь, на окраине порубежных земель и срединных – она была первой, и не раз, в годину лихого печенежского набега – она служила защитой набивавшимся туда местным ратаям*⁵ с семьями, потому и стены имела основательные, впору малому городку. Луна подсвечивала ее гладкую, выдубленную непогодами крышу, в оконцах горел огонь – люди в таверне всегда расходились поздно на ночлег. У полуоткрытых врат дремал уса́тый стражник, опершись спиной на бревенчатую стену и рогатину*⁶.

– Кто таковские? – встрепенулся он на звук копыт. Из небольшой сторожки показались еще несколько мужиков с короткими копьями и топорами на поясах.

– Путники, – коротко бросил людолов из-под капюшона.

– И чегой надоть такому путнику? – оценив ширину плеч новоприбывшего, осведомился страж – он явно страдал от скуки.

– А чего всем людям надо? Пожрать, выпить и потрахаться! – не остался в долгу Нелюдь.

– Конь у тебя – хорош, – заключил ратник. – А вот сам ты как будто, уж прости, в гамне валялся неделю.

Охрана за спиной говорящего за ухмылялась – какое-никакое, а развлечение.

– Смердишь псиной зверски, – продолжил первый стражник. – Ступай сначала на конюшню – хоть в поильне отмойся от грязюки, допреж войдешь к добрым людям...

Нелюдь скинул капюшон и склонился в седле прямо к стражнику лицо в лицо.

– А ну ка, повтори мил человек? Куда идти говоришь?

Страж испуганно икнул, узрев прямо перед собой жуткий лик, и засеменил ногами, явно пытаясь отступить, но отступить в стенку – никак не выходило.

– Я это... Господине... Это... Того этого... Чтобы того... Не потому, что обидеть, а чтобы того...

– Чего – того-этого? – прирыкнул людолов, хищно подобравшись в седле. Только сейчас стражи рассмотрели, насколько велик был княжий слуга – для того, чтобы убить наглеца ему сабля была не нужна – он и кулаком бы справился.

– Прости господине, – страж повинно склонил голову. – Не желал оскорблять. Прости Бога ради.

Людолов фыркнул.

– Работай, служивый. Расслабься. Я просто хочу поесть и выпить, от нас проблем – не будет.

– Ну, тогда – милости просим, – елеино улыбнулся ратник. Широким жестом руки, пропуская их внутрь, под испуганно-любопытными своих сослуживцев.

2 глава. Клятый ужин и клятые размышления.

Вопреки ворчанию на стражника, они действительно сначала направились к конюшне. Там дотошный и щепетильный людолов осмотрел с ног до головы своего коня, мельком глянул заводных и, заведя их в стойло, показал конюху свой здоровенный кулак перед носом, с предупреждением не лезть в суму у снятого седла, а так же в снасть. Тот, перепуганный видом здоро-

⁵ Ратай – пахарь, крестьянин.

⁶ Копье на толстом древке с широким, в ладонь наконечником, часто используемое на охоте против крупного зверя.

венного, покрытого шрамами воина, заверил, что у них надежная охрана, а в сумы – нет привычки заглядывать, на что Нелюдь удовлетворенно кивнул, и они, таки, направились в таверну.

Внутри было шумно, дымно от очага, но тепло и пахло едой. Таверна на перекрестке земель никогда не отличалась изысками и богатством таверн срединных земель, но в ней было все, что на данный момент было необходимо – еда и очаг с огнем. Изголодавшийся на дорожных сухарях, Лют твердым шагом направился было через зал к хозяйке трактира – могучей бабище, кою не обхватили бы поперек даже его обезьянье-длинные лапищи, попутно посматривая на поздних гостей заведения. Полутьма помещения не была препятствием для его зрения, и он отметил, что в основном посетители были с Порубежья: несколько явно семей, купец или мытарь с тремя холопами, батюшка – явно из церквушки в поселке. Под столом дрых, смачно похрапывая, местный пьянчужка в обнимку с двумя шавками-кобыздохами. Отдельно от всех, заняв два стола поближе к очагу, сидела развеселая компания в чертову дюжину раскрасневшихся от пива и мяса рыл – толи порубежников на отдыхе, толи запозднившихся охотников, но во главе них точно был боярин. Лицо боярина казалось знакомым, и людолов попутно напряг память, пытаясь вспомнить, при каких обстоятельствах и где он видел это бородатое, смурное лицо, но с ходу – не вышло. Его приход тоже не остался незамеченным – разговоры затихли, присутствующие по старинной, общечеловеческой традиции, оценивали вновь прибывшего, пытаясь понять, кто же это такой. По-могучему телосложению и росту, характерному шороху кольчуги, его вполне обоснованно можно было принять за гридня, возвращающегося с границ со Степью, но когда он отдернул капюшон плаща, многие не смогли сдержать удивленного выдоха – здесь его тоже знали.

– Дьяволово семя! – громко объявил батюшка и приложился к кружке.

– И вам доброго вечера, святой отец, – с вежливой улыбкой ответил людолов. Монах раздраженно отвернулся от вошедшего. «Клятое радушие и гостеприимство для него – везде одинаковы».

– Ты, Васька – иди за столик – воон к тому красавцу, что изволит дремать под ним – чую, ему на сегодня угощаться уже хватит, а других свободных столов все равно нету.

– А если он будет бузить? – девушка боязливо покосилась на мирно похрапывающего пьяницу.

– Вдарь по-рогам! Да посильнее. Если что – я разрешаю, – улыбнулся он и дружелюбно кивнул могучей хозяйке таверны.

Под оценивающие, внимательные взгляды всех присутствующих Василиса юркнула на массивный табурет за столом. Пьяницу она опасалась зря – он не только не проснулся, но даже не перестал монотонно сопеть, а собака – проснулась и лениво виляя хвостом, ткнулась кудлатой головой в ее ногу, набиваясь на ласку. В полной тишине, что царила в таверне, она погладила дружелюбного пса, осторожно поглядывая по сторонам – люди не разговаривали и не ели – все следили за людоловом и ней. Только священник зло ел свою кашу, неодобрительно поглядывая именно в ее сторону.

– Сейчас поесть принесут! – объявил охотник, шлепнувшись на широкую, жалобно скрипнувшую под его весом, скамью. Привычно – лицом в таверну – чтобы видеть все помещение. – Жрать хочу как волк!

– Ты и есть волк дьяволов! – вновь подал голос из своего угла священник. – Волк, попирающий землю христианскую.

– Я выпью за твоё здоровье, отец! – Лют озорно подмигнул ему. – Всем приятного аппетита и доброго вечера!

Люди словно очнулись – вновь пошли разговоры, послышалось чавканье и смех. Людолов псу не понравился – с недовольным ворчанием, косясь на него, животное ушло к другому столу.

– Чего это они все замерли? – тихо, чтоб никто лишний не услышал, спросила она княжьего слугу. В его глазах играли огоньки пламени свеч, глаза его смеялись без улыбки на губах, и она такое видела впервые.

– А ты чего замерла, когда меня увидела? Там, в лесу?

– То другое дело! Я одна была – испугалась сильно. А тут их много.

– Их – много, а я – один, – кивнул он. – Не каждый день встретишь. Вы, люди, по природе своей, очень любопытны. И падки на разные диковинки, и тайны. Иные кушать не могут, пока любопытство свое не утолят. Ну вот, видимо, нам сегодня такие и попались под одной крышей.

– Вы? «Вы, люди»?

– Я сказал «вы»? Да нет – конечно же, мы! Мы, а не вы! Разумеется.

– Проехали – не важно.

– Вот и я думаю.

Связку копченой колбасы, две ржаных лепехи и две большие миски с разваренной, парящей, гороховой кашей принесла сама хозяйка. Она же принесла две огромные кружки пива. Нелюдь, покопавшись в мешочке у пояса, извлек несколько колец, кои и отдал.

– Щедро даешь, радость моя. Златом соришь, – проворковала огромная женщина. – Надеюсь, оно – получено правым⁷ путем?

– Разумеется! – заверил людолов. Глаза его были честны и могучую женщину ответ удовлетворил.

– Комната вверх по лестнице, там же. Там же через час будет корыто с горячей водой.

– Моя благодарность, заботливая моя.

Хозяйка удалилась, плавно покачивая громадным задом из стороны в сторону – Нелюдь проводил все это мясное добро долгим взглядом, с ухмылкой покивав головой.

– От эт баба!

Василиса покраснела, но, кажется, Лют, спохватился, что она тоже «баба» и виновато крякнул, уставившись на еду.

– Хотел мяса, да сказали, что компания хлопцев, что отдыхает воон там, все уже заказали и умяли, а готовить долго будут. Остался только горох с поджаренным луком и салом, – пробурчал он, словно бы оправдываясь.

– А сало – разве не мясо? – удивилась Васса, берясь за ложку.

Она ожидала, что оголодавший людолов набросится на еду голодным зверем, такому бугаю нужно много еды, но он в очередной раз ее удивил – ел пусть и с аппетитом, но спокойно и основательно. В нем вообще все было, как казалось, если подумать – основательное. Все подогнано к той или иной необходимости: вороненная кольчуга – не для красоты, а по нужде – такая не ржавеет; диковинный плащ с капюшоном, чтобы скрывать свое слишком узнаваемое лицо; вместо привычного для всех гридней меча – сабля, ну так и это можно было понять – людолов не тот, кто открыто вызывает на бой, а тот, кто режет как на бойне не готового, чаще всего, бездеспешного противника! Пара оберегов, которых он не прятал – болтались на широкой груди открыто и вызывающе.

– Ешь, ешь, не жуйся!

И она с удовольствием послушалась его совета. И пусть Нелюдь был недоволен пищей – для нее, привыкшей к печеной репе и хлебу с луком – это был целый пир! Да что там – когда ее тарелка показала дно, она была почти что счастливой. А вот Людолову еда не приносила доброго расположения духа – он, с каждой проглоченной ложкой каши, казалось, все более мрачнел. Страшные рубцы шрамов на его голове вздулись и побагровели от притока крови.

– Послушай – ну вы там, на княжьих харчах – заелись!

– А? – не понял княжий охотник, оторвавшись от тарелки.

⁷ Правым – законным.

Она проглотила еще один кусок колбасы и запила ее глотком вполне сносного на ее вкус, пива.

– Говорю – вы заелись при княжьем дворе. Это ж надо так морщиться и пыжиться из-за этого?! Вполне себе сносная еда – чего ты?

– А-а, – людолов оскалился в улыбке. – Ты говори, говори. Говори и слушай меня, не оглядываясь. Ту компанию, что за столом сидела, когда мы вошли, ну которые всё мясо сожрали – ты их раньше видела? Не оборачивайся только.

Васька вздрогнула. Его страшные глаза, сейчас лучились весельем и смехом, как и ранее, а поза была донельзя расслабленной, но в тихом голосе не было ни намека на шутку.

– Да не припомню. Может видела иных, лица знакомые, но я тут недолго. Могу и ошибаться, – не поняла девушка.

– Я говорил о погоне, помнишь? Да расслабься, расслабься – нет ее еще, чего напряглась? Я у них дня полтора выиграл по прикидкам.

– Тогда что?

– А дружки оказывается их тут – вот что. И не думал о таком, а зараза-то вона как расползлась-расплодилась. Не оглядывайся, сказал! Там, за двумя столами сидят.

Холодок тревожного напряжения, пока не слышно, легонько, коснулся ее волос, наэлектризовав и пустив по телу мурашки.

– Они думают, что говорят тихо, прикрываясь грубыми шутками и смехом, – продолжил Лют. – Тихо, да как бы ни так – это для других тихо. Не для меня.

– И что? – глаза девушки забавно округлились, и она вновь стала похожа на испуганного совенка.

– А то. Знают они меня. И знают, за кем я был послан.

– Откуда? Кем?

– Кто я – положим, понятно, что знают. Кем послан – тоже, как раз, понятно. А вот откуда знают – то непонятно. И, черт побери – очень интересно узнать это «откуда».

– И что теперь?

– А то – резать они нас надумали. Ночью, как спать ляжем. И не только нас. Тут ведь таверна, без шума с нами не выйдет. А стало быть – и все остальные – смертники. Только не знают об этом.

При слове «смертники» она не удержалась и вздрогнула. Уютная и теплая корчма перестала быть уютной. Люди ели, разговаривали, выпивали, но после слов людолова неприятный холодок пробежал по всем. Ей почудилось, что она видит то невидимое напряжение, о котором говорит людолов. Она не удержалась и, в пол оборота, глянула на компанию за двумя столами – едят и пьют, вон даже хохочут. Косичкоусый крепыш в кольчуге вон поднял свою кружку и произнес пылкую здравицу князю – его поддержали шумным ревом все в таверне. Людолов – тоже поддержал. Все было, как и раньше, но сам воздух, ей казалось, теперь смердел опасностью.

– А разве так можно? Людей, которых тебя приютили, с которыми хлеб делил? – не поверила она.

– Можно, Васька. Еще как можно, если очень хочется. А они – ух, как хотят.

Снаружи раздался испуганный громкий матерный вопль, заглушивший весь гомон в таверне. Глаза Нелюдя сузились.

– В суму заглянул. Вот жеж, сукин сын? Не забыть дать по шее любопытному.

– В какую суму? – Василиса совершенно сбилась с мысли.

– В ту самую, девонька – в ту самую, в которую я запретил заглядывать. Сейчас эти пошлют туда малого – узнать, что случилось, а потом – рассердятся еще больше, ибо есть на что. Ты ешь. Пей да ешь – возможно, силы понадобятся. Пожалуй, рвать когти во всю прыть отсюда надо...

– Как рвать? Почему? А чего с ними делать? – она, по возможности незаметно очертила глазами присутствующих в таверне.

– Если что я и из лука стрелять могу, и сулийцу бросить.

Людолов едва подавил хохот и спрятал улыбку за кружкой пива, из которой как следует, отхлебнул.

– Чего молчишь? – шепотом и, пригибаясь, спросила Василиса, – чего будем?

– Не будем, – покачал головой Людолов.

– Почему?

– Их чертова дюжина, Васса. Пусть всем далеко до княжьей гридни, но их много. А двое, тот, что с бородащей, да тот, что с усами – так вполне себе и за гридней сойдут. Вон на харе – шрам приметный. И на руке правой занятная метина-мозоль, что крыж⁸ меча оставляет от постоянного пользования. Тринадцать – это много, особенно в тесном помещении – разом навалятся внезапно – не сдюжить. А у меня – ни моей секиры, ни моих ножей, ни даже щита – почти вся сбруя за дверьми осталась. С собой – только пюзорез-засапожник и сабля. Те, кто тут сейчас гостит – не вои – плохая подмога. А охраной у хозяйки – два калеки – вон на лавочке сидят, тыквенные семечки лузгают, да те, что у врат. Но те – не успеют вовремя. А успеют – вон тот же усач, пожалуй, один их посечет не вспотев. Уходить надо.

– Нельзя так, – покачала головой Васса. – Как ты это видишь?

– Тати в погоню за нами пойдут – то, как пить дать. В лесу на тракте, да ещё в темноте я могу их отменно угостить из лука – там мое преимущество. Сами – не обрадуются. Правда, рубка в темноте – это всегда риск. Тем более, если уходить придётся с тобой.

– А почему со мной?

– Если я один сбегу – это будет подозрительно. Тебя они пытаться будут, пусть и второпях, но будут. Потом убьют. И всех, кто есть в корчме тоже – просто чтоб видаков не было. Уходить надо обоим.

– А если уйдем – убивать не будут?

– Будут, – не стал закипать людолов. – Со зла – могут всех посесть. Но уходить – надо.

– Нельзя, Лют. Разве можно так все оставлять? Другие ни в чем не виноваты – их оборонить надо. Убьют ведь, сам говоришь!

– А если нас с ними – тебе лучше будет от того? Я и тебя могу оставить, коль такая совестливая.

Какое-то время он наблюдал за внутренней борьбой в девушке, не мешая, давая обдумать сказанное. Ее лицо то краснело, словно от жара, то белело, словно от холода. Любопытные существа – люди. Их решения часто делят их на два больших племени – на тех, кто живет для себя и на всех прочих, которые так или иначе готовы рисковать для других, себе во вред. Людолов был почти уверен, что девушка выберет уходить – и дело тут не в племенах – просто очень страшно будет остаться при самом худшем обороте дела. Но та, глядя на играющих с псом детей, твердо сказала:

– Нет, Лют. Так нельзя. Их оставлять – нельзя.

– Почему бы это?

– Ты же княжий человек? А они – люди князя. Ну, так защити их?!

– Дуры все бабы, – покачал головой Нелюд и добавил. – Даже если красивые... Особенно если красивые. Ты хоть представляешь, что будет? Хоть в одной сшибке была? Нет? Тогда не представляешь! Кровь, кишки, люди орут калеченные – такое желаешь увидеть? Пойдем, не дури – в лесу и сподручней, и может и не увидишь, чего не нужно! А уйдем – может и не станут резать всех тут – за нами сразу дернут в погоню.

– А вдруг станут? А вдруг станут их резать? Со зла?! Я не могу так, Лют. Здесь столько людей – вон даже женщины и дети. Надо что-то делать.

– Что ж, ладно, – Людолов покарябал шрам, думая. – Коль ты решила остаться – ты готова помочь? Мне? Оборотню-Нелюдю?

– Готова!

– Готова, рискнуть жизнью своей ради других людей?

– Готова.

– Даже умереть, если понадобится?

Василиса кивнула, закусив губу.

⁸ Крыж – перекрестие.

– Я не слышу.

– Готова.

– Интерес-сно, – Нелюдь откинулся на скамье, взглянув на нее по-новому. «Клятое упрямство!»

– Думаю, что ты просто не понимаешь, на что соглашаешься. Просто не понимаешь, что это такое – резня в темноте.

Его лицо стало строгим, а взгляд стало почти невозможно выдерживать. Пугал. Она немного побледнела, закаменев лицом, но, тем не менее, твердо ответила:

– Я готова.

– Не переубедил?

– Нет. Кровью ты меня не напугаешь. Я же женщина – не забыл?

– Тут крови, пожалуй, будет немного побольше, – он по-доброму усмехнулся. Надо же – теперь она уже в жуткой кривой от старых шрамов улыбке могла распознавать доброту!

– Я не испугаюсь!

– И сейчас не переубедил?

– Нет.

– Добро, – скривился людолов. – Только слушай меня и ничему не удивляйся. Делаешь то, что скажу. Будешь артачиться – уйду сразу. Прямо сейчас уйду через крышу, а тебя – с разбойничками оставлю, потому как не мое это дело – с ними ратиться зазря.

– За людей же?

– Не ори – он ведь тоже не глухие! Могут и услышать – и тогда совсем кисло будет.

За ее спиной скрипнула входная дверь.

– О – ну вот – побежал во-двор малой, – людолов вдруг расхохотался, словно доброй шутке, но глаза, она видела – его глаза остались сосредоточенными и злыми. – Времени у нас осталось всего ничего. Решайся прямо сейчас – пока осталось хоть немного времени. Уходим?

– Нет.

Нелюдь скрипнул зубами и это звук заставил ее вздрогнуть.

– Добро-о, – протянул он. – Я предупреждал.

– Ты что-то придумал?

– Обязательно.

– Что?

– Наша сила в том, кто мы есть. Ничего такого, чего б они от меня – не ждали, – ощерился в плотоядной улыбке людолов. И только сейчас она поняла, как же подходит ему его прозвище «Нелюдь» – эти внимательные, цепкие его глаза не выражали никаких, подходящих моменту, эмоций – словно у мертвеца. Словно у не человека – взял – и все отключил!

– Богохульная нечисть!

Людолов поднял глаза на говорящего – попик решил, таки, подойти к их столу – пошатываясь, и нетвердо, стоя на ногах. От него крепко пахло хмелем, который, видимо и придавал храбрости. Такую храбрость княжий слуга не любил, от нее всегда были проблемы, и потому предостерегающе выставил руку с раскрытой ладонью перед пришедшим.

– Святой отец – мне ей Богу не до вас сейчас. Ступайте с миром.

– Ей Богу? Какому Богу? – не унялся батюшка, проигнорировав жест, и подсел к ним за стол. – У вас, язычников – богов много! Так к какому?

– Я просто хочу поесть и отдохнуть, отче – мне не до христианской проповеди.

– Право же, святой отец вовсе незачем... – начала Васька, но тот прервал ее мановением руки.

– Не сейчас глупая заблудшая овечка. Верю, что ты в душе – агнец Божий, но сейчас – ты и так греха набралась преизлиха! Просто даже сидя за одним столом с... Этим! Я уже боюсь подумать о другом между вами!

– Да он мне просто помог! Мы вовсе не... – начала она, покраснев, но он вновь прервал ее жестом.

– Это – не важно! Мой святой долг вразумлять души заблудшие, прибывающие во тьме. Твоя же душа, людолов, во тьме не блуждает – а родилась в ней. Ей сложнее, но все не безнадежно! Даже ты можешь выйти из тьмы и принять Свет истиной веры...

– Ой, спасибо, – ответил Людолов, булькнув пивом. – Значит и я – не безнадежен?

– Кровь что проливаешь ты – к Дьяволу ведет. То к нему прямая дорога.

– Но ведь гридь княжья – тоже кровь проливает? – людолов наградил ревнителя веры широким кривым оскалом убийцы так не похожей на обычные улыбки.

– Они в бранях проливают, а ты – подло, отай*⁹, вливаясь в толпу, втираясь в доверие. Исподтишка и предательски действуешь.

– Да нет же, поп, – людолов скривился, словно надкусил что-то кислое. – Вовсе не так! Куда мне с такой рожей втираться в доверие?

Он грохнул тяжеленным кулаком по столу. – Еще пива сюда! Живо!

– Но ты во лжи живешь, а это – грех! – поджав губы, заметил монах.

Подавальщица, верно оценив возможности мощного организма людолова и его соответствующей прожорливости, принесла сразу две кружки.

– Я охочусь! – продолжил Нелюдь, сделав добрый глоток пенистого напитка. – Просто – охочусь, за негодными. Так как могу. Только и всего. Таков мой труд. Его кто-то должен делать. Понимаешь, поп?

– Не смей так к Божьему человеку обращаться, пес дьяволов! Я отец Ефстафий, а у тебя даже имени во Христе нету!

– Так его батюшка, так его! Херач ему ик, правду, ик, шоб знал! – послушалась из-под стола, но почти сразу после фразы говорящий вновь захрапел.

– Добро, отец Ефстафий, прощения прошу, – Нелюдь показал ложкой примирительный с его точки зрения жест.

– Искреннее раскаяние – дорога к прощению. Излей то, от чего болит на душе – то первый шаг к Господу, – не оценил жеста священник.

– Тогда я хоть сейчас готов к нему, – серьезно ответил Нелюдь. – Потому что в таком случае – я чист.

– Ты? Чист? Да у тебя по-плечи руки в крови человеческой, невинной! И не только руки! И жертвы только множатся – народ просто так говорить не будет.

– Тут дело вот в чем, дорогой мой, отче. В прошлом году – я убил четыре раза по дюжине людей. В позапрошлом – семь дюжин. В позапозапрошлом – пять раз по дюжине, а в этом вот – всего чуть более дюжины. На уменьшение идет ведь? Хорошо! Значит, зла, даже, по-вашему, становится меньше, а люди – лучше.

– Искренне кайся в грехах своих, в том, что сотворил – и, быть может, Бог простит даже тебя, душегуба, – наставительно изрек отец Евстафий.

– А вот тут – мимо, – людолов посерьезнел. – Мимо, батюшка. Не за что ему меня прощать, потому, как ни из-за одного из убитых мной, я не буду раскаиваться. Каждый из них был тварью, которая убила бы множество из твоей паствы, если бы не была остановлена мною. Что и тебе, и Богу – прямой урон. Не Божий ли это промысел, отче?

Отец Евстафий поднялся из-за стола.

– Не смей богохульствовать, исчадья зла!

– Ну вот, опять...

– Ведомо нам, что над таким как ты отродиями не властны ни меч, ни стрела...

– Стал бы я прятаться в кольчугу, если б так оно было?

⁹ Отай – тайно.

– ...лишь серебро над тобою властно и может сразить тебя!

– Не знаю на счет серебра – еще никто не пробовал, но вполне допускаю что...

Людолов вскочил, как ошпаренный, со своего места, с глухим рыком – в его правой ляжке торчала вилка. Из-под стола, с торжественно поднятым, обличающим, пальцем, поднялся, на нетвердых ногах, пегобородый мужичек.

– Умри, ик, исчадь Дьявола! Бог пометил меня, Трофима, чтобы дланью своей, ик, я сразил тебя!

– Ох..л?! – только и нашел, что сказать пораженный людолов, осматривая ногу, под изумленным взглядом попа.

– Пади, ик, к ногам моим мертвым – Бог меня вознаградит за доблесть! – мужичек, шатаясь, потянулся за вилкой, но Нелюдь так сжал его руку, что тот засипел.

– Уй-йй!

– Я тебе сейчас эту вилку в задницу запихаю, – мигом налился злобой Людолов, оправившись от первого удивления. – Да не вглубь, как ты наверняка любишь, а всю ширь – как распорку!

– Не сотвори зла, – начал, было, поп, но замялся на полуслове, когда, утробно зарывав, страшный воин, вырвал из своей ноги злополучную вилку. Вся таверна вновь затихла, только за двумя столами, глядя на вечернее представление, посмеивались хлопцы. Людолов стал, страшен – его глаза при этом засверкали так жутко, что даже бесстрашная душа воина Господа, дрогнула и смутилась на мгновение. Могучая пятерня людолова сгребла тщедушного Трошку, и княжий слуга намерился, было, запустить его в недалекое путешествие до стенки головой вперед, но безобразие прервала хозяйка таверны.

– Положь его! А ну! Не замай, – закричала хозяйка звонко, пуще воевод. – Не видишь пьяный дурак? Тебе потом виру платить охота, да жинке его с детьми в глаза смотреть? Обиду учинил? Так дурак пьяный – чего с него взять? Вилкой ткнул? Ой, как страшно такому воину! И вы Отец Ефстафий – так-то вы меня благодарите за доброту – кров и пищу, кою вы получили, не заплатив ни куны? Из христианского великодушия приняла и поняла сердцем вашу нужду, а вы – подстрекаете к крови? В моем доме?

Последние доводы, видимо, были очень убедительны, и воин Божий уступил напору обыденности и личной необходимости. Да и мучеником в подобной ситуации точно не стать – пришибленный в кабацкой драке священник вряд ли на это может, надеется.

– Прости дочь моя, воискушение на меня было послано! Прости – слова не скажу более этому бесову отродью.

Людолов ответил взглядом, от которого даже Василисе захотелось от всей души впечатать, со всей руки, по его физиономии.

– А ты, Трошка – прочь с глаз моих, демоноборец дранный! Жинка твоя бедная – задаст тебе, коль узнает на кого кинулся, дурак! Глянь на него-то своими глазенками! Он же тебе голову одной рукой оторвать может, дурень!

Тот, икнув, лишь пожал плечами и покивал, хотя по его виду было понятно, что смысл слов и фраз от него ускользает. Успокоился и людолов – он отпустил мужичка, и уселся обратно за стол.

– Отведите-ка, хлопцы, Трофима до ветру – ему бы морду сполоснуть, да домой идти надо пока сюда жена его не явилась.

Два мужика-охранника, оставив семечки, подхватили бедолагу под плечи и быстро поволокли к выходу.

– Вилка! Моя вилка! Родовая, среб..серб.., серебряная! От бати! – орал он упираясь. – Отдайте, тати! Ратуйте, люди – грабят!

– Да на, на! – проревел людолов – серебристой птичкой предмет промелькнул через всю таверну и окончил свой полет в левом полукопье крикуна – пусть неглубоко, но отрезвля-

юще-болезненно. –А-а-а! – только и успел отреагировать на это тот, и был вытащен на воздух. Зато вошел посыльный от разбойников. И морда у него была – мрачнее мрачного.

– Ну, вот и все, – шепнул людолов. – Кончилось время дум – пора действовать. Только верь мне!

Лицо его поменялось, глаза плеснули дурной, дикой удалью. Он вскочил во весь свой могучий рост, пнув ногой табурет, единым духом осушил последнюю кружку с пивом, и выпалил:

– Дрянь твоё пиво, хозяйка! Разбавленное и кислое! Ежель и ложе – такая же дрянь – не поленюсь, скажу князюшке!

И не дожидаясь пока пунцовая от внезапных его слов бабища, найдется с ответом, вдруг резко и грубо схватил вскрикнувшую от неожиданности Вассу и взвалил ее на плечо.

– Ох! – только и успела выдохнуть она.

– Медовуху аль вино чтоб мне нашла, стервь! И принесла в комнату через часок!

Этого хозяйка не могла стерпеть и начала было: – Ах ты ирод, стервец, рекомендовался! Да я...

– Захлопни варежку, дура! – он, для наглядности, привычно продемонстрировал свой огромный кулак. Она не видела нездоровой возни и собранности за двумя столами позади себя – не могла видеть. – И не смей перечить князьему человеку! Я со службы! Чтоб все было – мне неважно как! И чтоб тихо тут было – хватит, погуляли! Спать всем пора! Кто ослушается – лично выпотрошу и сожру его печень, без всякой жалости к возрасту и сану!

Он люто и страшно сверкнул глазюками на притихших постояльцев.

– Пусти! – пропищала Василиса. – Пусти дурак, больно! Больно! Люди-и!

Людолов громогласно расхохотался, уже несясь с ней на плече, прыгая через несколько ступеней разом, на второй этаж, туда, где для него приготовили комнату.

– Сукин сын! Тварь, мразь! – говорили тихо, шепотом, чтобы он не услышал, в след. – Что хочет, то и творит, чудище княжье. Пригреб князюшка кровопийцу, зверя! А тот – пользуется, мерзавец, властью! И никакой управы на него нет. Пес кровожадный, zalюбит бедную девку насмерть. Ой, что делается, что делается, люди добрые...

Говорилось все шепотом, тайком, чтобы он не слышал. Вот только Нелюдь, людолов великого князя, слышал все, каждое слово, каждую фразу.

3 глава. Клятая бойня.

Дверь он отварил тяжелым пинком, а ее метнул на ложе через все помещение – бедная девушка не смогла сдержать вопля при приземлении. Она бы тут же заорала вновь от страха и боли, но людолов оказался рядом в то же мгновение и его широченная, мозолистая ладонь плотно и болезненно залепила ей рот. Кусать ее было все равно, что кусать весло – глупо и бесполезно.

– Замолч! Слушай меня, внимательно – на второй раз у меня не будет времени объяснять, потому ты запомнишь с первого раза! – прошипел он ей прямо в лицо.

Глаза его светились красным огнем в темноте, от него веяло силой, звериной, безудержной силой, и ей стало жутко как никогда в жизни. Она начисто забыла их уговор, но профилактический шлепок-подзатыльник вывел ее из ступора. Шлепок легкий, почти мягкий, глядя на его габариты, можно сказать, нежный шлепок, но от него у нее клацнули зубы, и ей очень-очень, прямо сейчас, захотелось домой, к ворчащему за непослушание отцу и доброй матери.

– От точности того, как ты поймешь все, зависит и твоя, и моя и другие жизни! – продолжил он, нависая над ней. – Отступать тебе уже поздно. Отступишь сейчас – ты умрешь. Прямо сейчас залезешь под ложе, прикроешься шкурой, и будешь стонать так, как ни стонала в лучшие дни со своим женихом. Нишкни! Чудовище тешит свою похоть – и это должно звучать

именно так! Именно так! Не смей перебивать даже писком! Если нам повезло, то хотя бы часть постояльцев – разбредется по комнатам или вообще уйдет, и жертв будет меньше. Нишкни! У нас нет времени, а потому полезла! Сейчас!

Он отпустил ее и с хищной грацией невероятной для такого массивного тела, юркнул к двери. Она, все еще мешкая, машинально схватилась за припухшие губы, но из тьмы вновь сверкнули два алчно-хищных огонька, и она полезла под широкую, покрытую шкурами лавку, что было приготовлено ему как ложе.

Она потеряла еще несколько драгоценных секунд, решаясь и пытаясь преодолеть стеснение и страх, но из темноты послышался рокошующий звук приглушенного, совсем звериного рычания. Человеческая глотка не может исторгать из себя такие звуки! Она почувствовала, как волосы от страха зашевелились у нее на голове, и, больше не сдерживая себя, она заорала. Громко и жалобно. Потом еще раз. И еще раз. И еще. Потом стоны и крики пошли из нее сами собой. С каждым из них наружу вульгарно выплескивался весь страх этого вечера, обида и злость. Злость и ужас на этого человека, который сделал ей больно и страшно так, что не орать она просто не могла – даже если бы он сейчас потребовал ее прекратить – она бы не смогла этого сделать. Сколько времени прошло – она не знала, стоит ли он, как и раньше у двери – она тоже не знала – ей просто было страшно. А потом дверь, с сухим треском, распахнулась вовнутрь, снизу послышались многоголосые крики и грохот, а в комнату ввалилась целая толпа. И началось что-то невообразимое и жуткое.

Ворвавшиеся метнули сразу два копы в ложе – одно из них прошибло доску лавки и вынырнуло прямо перед лицом у стонущей Василисы – все остальное творилось теперь под ее сплошной, казалось, не прерывающийся даже на вдох, визг. В полутьме, в свете, проникающем через дверной проем, они не сразу разобрали, что же там такое на ложе. Жадные взгляды ворвавшихся были прикованы к шкурам, на которых должны были быть любовники. «О, да, я знаю как это: в сладострастном желании увидеть его вожака кончину и ее, голое молодое тело! Потом, каждый из ватаги ее, конечно, попользуется, прежде чем перерезать глотку, все потом – сначала он!». Незамеченный, Нелюдь начал действовать. Длинным продольным ударом сабли сзади, со всего плеча, он срубил две головы разом. Они спрыгнули вниз, как живые, все еще удивленно хлопая глазами – до них еще не успела дойти информация о том, что людолова нет на ложе (там вообще никого нет!), а он скользкой молнией настиг обратным движением длинного клинка, развернув кисть могучей десницы, третьего и четвертого. По ногам, по связкам, да так что оба заорали леденяще-жутко в унисон, падая на пол обрубками! Его заметили, но было уже поздно – он пнул уже слабо держащуюся в петлях дверь, и она, обиженно затрещав, захлопнулась, погрузила все во мрак.

– Сука!

В воцарившемся кромешном мраке почти ничего не видел даже он, в комнате не было окон, но мрак был союзником только ему. Людолов бил на движение, на звук, на их запах – ему было намного-намного проще, ведь кругом были только враги и потому его сабля и засапожник, кромсали, протыкали, рубили плоть и связки, скрежеща по костям, выпускали кишки и вырывали вопли. Горячим брызгало вновь и вновь, ругань хрип и мат были свидетельством царившего страха и отчаяния.

– Навались, сука! Навались! – кто-то орал во тьме и, несмотря на неразбериху, его послушали – в какой-то момент все сплелось в один сплошной клубок тел, катающийся и опрокидывающий все в комнате, колотящийся об стены. Сабля застряла в чьем-то вопящем теле, в дело стало возможным пустить только нож. Чужие ножи и лезвия топоров скрипели по кольчуге Люта, в попытке нащупать его живое мясо, в ход пошли кулаки, и все что могло причинить вред.

– Вот он! Вот он! Я держу суку! А-а-а, – с пробитым засапожником, плещущим кровью с воздухом, легким, разбойник уцепился за его руку с ножом, а когда широкая ладонь ухватила

его за лицо – вцепился в нее зубами. Отбиваясь от колотящих и режущих всех и вся во тьме врагов, людолов, глухо зарывчав, бросил нож, ухватив вцепившегося в него зубами врага, за голову, второй рукой. Прокушенной рукой, с нечеловеческой силой рванул вниз и в сторону – мокро хрустнуло, и раненый с болезненным сиплым воплем, рухнул под ноги сражающихся. С нижней челюстью, висящей до груди на каких-то жилах, он так и ползал там, жутким монстром, спятившим от страшной боли, попираемый и пинаемый ногами до самого конца боя, пока не изошел кровью.

– Огня! Огня! – орали несколько голосов все еще живых израненных людей посреди всего этого, и, многострадальная дверь, на сей раз, от удара вылетела окончательно, внеся хоть какой-то свет во тьму, вместе с двумя новыми врагами. И людолова увидели вновь. Не давая ни секунды, он атаковал всей массой своего тяжелого, облитого броней тела ближайшего, сшиб, и вырвал из его скрюченных пальцев топорик, пустил по касательной вдоль кольчуги неловкий торопливый удар топора другого и, уйдя резким рывком вниз от тесака третьего, рубанул его по правой ноге. Тать с воплем рухнул, но орал он недолго – вторым ударом людолов перерубил горло так, что фонтан крови брызнул в потолок. Промажнувшийся топорник метнул свое оружие в Нелюда, но толи раненная рука подвела, толи страх – промазал. И, так как это было его единственное оружие, бросился прочь из жуткой, залитой кровью, мозгами и кишками комнаты, с маху столкнулся с забегающими товарищами, опрокинул их. Нелюдь, думающий и решающий в боевом режиме куда более быстро, чем человек, на уровне инстинктов хищного животного, свой шанс не упустил: схватив тесак умирающего во вторую руку он прыгнул сверху на кучу-малу, полосуюя и рубя в капусту орущих от ужаса и бессилия людей. Без жалости, без сострадания и скидок на мгновенную нечаянную беспомощность. В ночной резне нет места состраданию, как и человеколюбию – кровь фонтаном брызнула ему на лицо, и он заревел совсем не по-человечески – так страшно, что этот звук бедная Василиса, все еще кричащая под лавкой, запомнила на всю жизнь. У него вытягивается лицо? Неужели так и есть, или ей в этой полутьме все это мерещится? Она замерла, силясь хоть что-то разобрать и взять себя в руки, но заорала вновь, увидев, как к ней ползет красный от крови, стонущий обрубок без ног, с перерубленным лицом и месивом там, где должен быть рот. Существо пыталось спрятаться там, где уже была она, и оно тоже заорало в ответ на ее крик, но крик создания, еще так недавно бывшим человеком, оборвался на резкой ноте – тяжелый топор развалил его череп прямо до месива из зубов и мягких тканей, и Васса, наконец, потеряла сознание.

Милосердно добив изувеченного, людолов вырвал оба копья из ложа, стремительными прыжками преодолел расстояние между комнатой и балкончиком второго этажа, откуда открывался вид на помещение таверны – там все еще слышны были звуки боя. Картина, открывшаяся ему там, была хоть и мрачной, но не настолько, как он предполагал – двое оставшихся разбойника порубили несколько гостей и одного охранника, но второй, в купе с хозяйкой таверны, вооруженной вертелом, и несколькими гостями с табуретками и лавками – отбивались от врагов. Мужества им предавали отчаянность ситуации и оружие дети и бабы за спиной. Нелюдь метнул копья сразу с двух рук, по-нормански, как учили кровожадные морские разбойники севера, и они бы гордились своим учеником – первое прошибло ключицу, прошло сквозь легкие, позвоночник, пригвоздило врага к деревянному полу накрепко – так что он так и остался стоять. Второе копьё лишь пробило бедро на вылет и уронило самого опасного из разбойников – в кольчуге с косичками усов и настоящим мечом в лапах. Впрочем, он тут же вскочил, хоть и, охнув от нестерпимой боли, вырвал из себя копьё. Людолов спрыгнул в низ – весь в крови, с топором и скрамасаксом, он был воистину inferнально-жутко. Последний из ватажников наставил на него копьё, обгаренное собственной же кровью.

– Сдавайся! Я – не желаю тебя убивать. Будешь жить! – с трудом ворочая непослушным языком, почти неразборчиво потребовал Лют, но последний ватажник – понял.

– Чтоб пытали? Хер тебе! – проорал, брызгая слюной и кровью на усы, разбойник и сам, прежде чем Нелюдь успел его перехватить или как-то остановить, всадил длинный узкий нож, себе в сердце. Узкий клинок легко прошел сквозь звенья доспеха и пронзил жизненно-важный орган – людолов успел лишь подхватить падающее тело.

– Зачем? Ну, зачем?! Дурак! – сказал он умирающему.

– Сам дурак! – побулькал он. – Тупой... Княжий... Пес... Не поймешь.

И умер. Еще несколько мгновений людолов, словно не веря, держал его тело в руках, но спохватившись, просто бросил, безо всякого почтения к усопшему.

– Господи, Спаси и сохрани, – то священник размашисто крестил поле боя. – Спаси и сохрани. Спаси и сохрани...

И дети, и женщины, и мужчины – все замерли в испуге перед жуткой могучей фигурой, словно сошедшей к ним из старинных рассказов о кровожадных языческих богах, когда-то бродивших и творящих свои кровавые забавы среди смертных.

– Один сбежал! Людолов – один – сбежал! Тот, что с бородой и в броне! – нарушила молчание хозяйка таверны.

Сверху, в полной тишине, послышался шорох и стон – людолов, среагировав на движение, высоко подпрыгнув, уцепился за пол второго этажа. Рывком, подтянувшись, он вновь оказался перед коридорчиком и раскученной дверью, открывавшую вид на бойню внутри его спальни. Один из разбойников, с перерубленными ногами и сломанной рукой, в спешке не замеченный, был жив и пытался уползти куда-то. Не церемонясь, Нелюдь схватил его поперек туловища и метнул через перила вниз – не высоко, чай не разобьется. Сам, последовав следом.

– Откуда вы знали обо мне и моем поручении? – четко и раздельно спросил Лют, глядя в лицо раненого. Лицо охотника на людей сейчас было просто чудовищным не только для врага, но и для всех – воспаленный, с воспаленными глазами на выкате, с бородой и волосами, в которых словно клюква выросла от брызг крови.

– Нахер иди! – было ответом.

Жесткие, мощные пальцы княжьего человека, словно гвозди, вонзились в края раны и потянули вниз – раненный заорал нечеловечески.

– Кто, меня, выдал?! Имя!

Раненный не ответил – его все еще корчило от новой волны боли – и людолов рванул края раны еще раз – теперь крик был скорее похож на вой.

– Довольно! Что творишь, убийца? Что делаешь с человеком! – монах выставил тяжелый крест перед собой как оружия. Впрочем, крест был таких размеров, что если врезать им по голове...

– Сдурел?

– Не смей! Не смей! Так нельзя! – напустился монах, размахивая крестом и сиюсь закрыть пытаемого собой.

– А разве князь не велит пытать врагов пред казнью, коли они, многое поведать могут? Ты что слову князьему перечишь?

Священник застыл.

– Или в вашей Византии людей не пытаются не четвертуют, а братья другу друга скопят и ослепляют?

– То другое, – проговорил Евстафий.

– Эва как? То есть, с благословения, можно и шкуру с человека спустить?

– Бог не велел!

– Почему? – осведомился Нелюдь.

– Потому что нельзя! Бог так не велел.

– Это твой бог – не велел, – рыкнул Нелюдь. – Мои мне ничего такого не говорили!

– Нужно прощать врагов своих! Нельзя так, —отец Евстафий говорил тихо, но голосом был тверд.

– А как иначе? Прощать говоришь? Ты думаешь, поп – он бы тебя пожалел? Тебя или кого иного здесь? Пожалел бы? Отвечай!

– На все воля Божья.

– Нет, задери тебя ваши демоны – никакой тут его воли нету! Здесь просто кровь и грязь. А этот – зарезал бы и тебя, и всех остальных. Без зазрений совести. Всех до единого – до последнего сосунка. Нет видоков*¹⁰ – нет тех, кто могут опознать, нет опасности для его шкуры! Вас никого бы не было! И он такой – не один. Они – не все здесь! Князю нужно знать, кто ему помогал. Понимаешь? Чтобы вас же от них оборонять. Так как твой бог тебе подсказывает это сделать? Отвечай!

– Хотя бы не здесь, Лютик, – подала голос хозяйка таверны – она была ранена мечом в левую руку, но держалась молодцом. – Не здесь – очень прошу. Здесь дети! Хватит им страхов, натерпелись уже. Не нужно – прошу.

Людолов некоторое время мрачно молчал. У его ноги скуля, отходила собака с перерубленным хребтом – досадливо поморщившись, он мощным ударом ноги перебил ей шею. Потом схватил за шиворот раненого и подтянул к камину.

– Сарай есть, где ничего нету? – осведомился он, сунув подобранный из камина раскаленный докрасна уголь прямо в раны в ногах – раненный кричать не мог, только застонал и впал в забытие. – Песий потрох потерял много крови и долго не продержится – чую. У меня мало времени, потому думай быстро!

– Есть-есть, – испуганно закивала хозяйка таверны. – Хват – проводит.

– Добро, – буркнул людолов. Постепенно, по-чуть-чуть, лихорадка боя его начинала отпускать. – Уберитесь пока тут, а то, как на скотобойне, ей-ей!

И повернулся к стоящему рядом священнику.

– Все еще хочешь обратить меня к своему Христу, монах? Уверен, что он всепрощающий? Вот всего часть того, что я делаю. Всего часть! Маленькая! – он показал пальцами перед глазами отца Евстафия, насколько она мала. – Я не убиваю невинных, поп. Я убиваю тех, кого ты называешь страшными грешниками. И мне за это – не стыдно. То, по-моему, честно, то, по-моему – верно! Сами такую дорогу они выбирают. Твой бог так не считает? Вот он настоящий лик моей работы! Ты – видел.

– То не лик! – страстно, с вызовом возразил монах. – То не лик, бес кровавый! То оскаленная страшная морда! И ее ни я, ни тем более Христос – видеть и прощать – не желает!

4 глава. Клятый дурак.

Сарай был и впрямь небольшой – скорее походил на большую собачью конуру, которой, скорее всего, судя по подстилке из соломы, запахом псины и остаткам вареных костей, и являлся. На кучу собачьих объедков людолов и швырнул принесенного пленника. Раненый уже пришел в себя и делал слабые попытки отползти подальше от палача. Нелюдь, какое-то время, просто сидел на корточках и пристально смотрел на свою жертву. Он уже давно заметил, что принадлежность к тому или иному сословию человека можно определить по его телосложению и росту. Для телесной крепости и высокого роста – нужны тренировки и постоянное хорошее питание. Потому простому крестьянину-землепашцу фактически невозможно достичь тех же показателей роста и мускульной силы, что доступна князьему дружиннику или боярину. Воин почти всегда, за редким исключением, будет крупнее, тяжелее, сильнее и шире согбенного тяжелым трудом крестьянина. Раненый был мужиком достаточно крепким и рослым,

¹⁰ Видоки – свидетели по-старославянски.

что говорило о том, что он не голодал в жизни. И все же, его мышцы явно никогда не были развиты до пристойной гридня формы, не говоря уже о том богатырском сложении, коей обладал людолов.

– Охотник? – тяжело уронил Нелюдь, не меняя выражение закаменевшего лица. – Ведь так?

Раненый молчал, и было непонятно, слышал ли он слова Людолова вообще.

– Говорить – можешь?

Вновь ответом ему было молчание, и тогда Нелюдь, неуловимо-быстрым движением ткнул пальцем в обожжённую рану.

– А-а, сволочь! – не удержал крика раненый.

– Значит, слышишь, и говорить можешь, – констатировал факт княжий слуга. – Врать я тебе не стану – ты умрешь. Умрешь сегодня – без разницы скажешь ли ты мне что-то или нет. Но в твоих силах сделать выбор, какой будет эта смерть. Быстрая и безболезненная – это я тебе обещаю, убивать быстро я умею – ты даже почувствовать ничего не успеешь – просто заснешь и не проснешься... А можешь погеройствовать – и тогда перед смертью ты сполна прочувствуешь боль, о которой тебе даже не приходилось слышать – это я тебе тоже обещаю. Я это умею, и на выдумки-затеи – я горазд. Лично я бы предпочел первый вариант, ибо у меня мало времени, а ты и так сегодня получил сполна, так что и умереть спокойно – не грех.

Людолов помолчал, давая раненому время обдумать все и взвесить.

– И каким будет твой ответ?

– Иди нахер, – ответил пленник слабым голосом, немного споткнувшись на последнем слове, но взяв себя в руки, договорил. – Иди нахер, пес княжий. Чтоб ты сдох.

Разбойник попытался улыбнуться, но у него из-за большой потери крови, вышло это не очень.

– Мне жаль, – покивал головой людолов, не меняя выражения лица. – Жаль. Но не тебя. Мне жаль, что у меня так мало времени, не то я бы показал тебе ад, как говорят наши друзья христиане.

– Ты... Слишком много болтаешь, людолов, – прохрипел раненный и плюнул кровью в людолова. Вернее, попытался плюнуть, но кровавый ком повис у него в бороде. – Язык у тебя как помело! Ясно почему тебя так ценит... Так ценит кн... князь. Языком в жопе его – шуруешь.

Он вновь попытался улыбнуться, и на сей раз Нелюдь ответил ему улыбкой на улыбку.

– Хорошая попытка. Рассчитывал, что разозлюсь и убью, да? Ну, чтож – мое тебе уважение – не каждый из тех, кого видел в таком положении, вел себя так же. Будем считать, что поговорили!

Людолов ухватил охнувшего разбойника за раненную ногу и рывком подтащил к себе.

– У! Меня! Нет! Времени! На! Игры! – затрещала ткань.

– Что, что ты делаешь?!

– Догадайся сам!

Людолов уже не слушал – пинком он перевернул врага на грудь – положил ногу пленника так, чтобы пятка смотрела точно в потолок.

– Ну что, последний шанс?

– Пшёл ты... пшёл...ааа

Тяжелый сапог опустился на сухожилие, которому грамотные греки дали название ахиллово. По имени их древнего героя. Людолову про него рассказывали. Про Ахилла. Но сейчас это было не важно, важно то, что пленник забился в судорогах под ним.

– Слышал хруст? – Людолов ослабил нажим. – Нет, это не кость треснула, а пока только сухожилие, когда треснет кость, станет ещё больнее.

– Ааа... – пленник заорал ещё сильнее, когда Нелюдь снова надавил.

– У меня нет времени! Ты расскажешь сейчас! Все что знаешь!

Охотник наклонился к руке пленника, потянул её вверх.

– Думаешь, я дам тебе умереть? Нет, сейчас передохнём немного. А что делают, когда отдыхают? Правильно, баклуши бьют – из палочек ложки стругают. Вот я сейчас тоже настругаю. Только их твоих пальцев. Начну с мизинца. Мее-еедленно. Полосочку за полосочкой.

Кривой нож погрузился в плоть и противно заскрежетал по кости, вверх-вниз.

– Ааа... не надо – первый звериный вопль сотряс конуру, заставив людей в таверне крепиться, и шептать молитвы.

– Что не надо? – Людолов пяткой наступил на причинное место пленника.

Разбойник молчал.

– Что, не надо-то?

Людолов преодолел слабое сопротивление раненного, скрючившегося в жутком спазме боли, и вновь перевернул его, принялся за следующий палец. Новый вопль наглядно доказывал, что силы у раненного – еще хоть отбавляй.

– У меня нет времени! Ты расскажешь сейчас! Все что знаешь!

– Я все скажу-у! – вид собственной плоти снятой, словно кожа вокруг кости, так сломал разбойника.

Ужас, не проходящий, ужас и боль плескались в глазах ватажника. А лицо Нелюдя было по-прежнему спокойно-каменным. Возможно, пусть бы он орал, ярился, садистки наслаждался чужой мукой, ватажнику было бы легче. Но людолов сейчас был словно даже не зверем – холодным клинком – бесчувственно-жестоким и немым к чужой боли.

– Откуда про меня узнали?!

– Нас предупредили! С седмицу назад еще!

– Кто!?

– Воевода.

– Бреешь! – сказал Нелюдь и вновь ударил в раненую ногу. – Откуда вы узнали про меня?

– Воевода послал гонца!

– Что за воевода?

– Я не видел. Слышал... баяли, что... что воевода из киевской дружины.

– Как он выглядит?

– Я его не видел! Его видел лишь атаман! Я видел только его гонца.

– Как выглядит гонец?

– Отрок из дружины. Степняк молодой с косами. Более ничего не знаю об них, клянусь Богом!

Людолов устало сел рядом с изувеченным.

– Не может быть! Воевода...

Но того было уже не остановить:

– Думаешь... Думаешь, ты убил Вольга – и все? Вокруг не менее сотни хлопцев... Ждут. Тебя шукуют... Думаешь, Вольг – главный? Не тут-то было. Ты думаешь, он – один? Нет. Ухватил ... хвост – и радуется! Тебе вырвут сердце, княжий пес, вскоре – и никто за тебя слова не скажет! А я и с небес найду возможность плюнуть на него. Ты даже не понимаешь... Никто еще... из непосвященных... Ты умрешь...

– Благодарю, – сказал Нелюдь и свернул страдальцу шею, оборвав ненужную уже речь. Этот – ничего толком не знал и был бесполезен. Но Нелюдь уже верил. Не мог не поверить услышанному – враг не мог врать. Будь ты трижды герой, не восприимчивый к боли – не мог так наврать! Такое быстро – не придумать.

– Оставил бы тебя псам на растерзание, – сказал он труп. – Да плохо, когда пес привыкает к человечине. Непорядок.

Из сарая он ушел вместе с телом.

5 глава. Клятые плоды победы.

– Испей, Лют, – хозяйка таверны протянула ему кружку медовухи. Холодной, явно из глубокого погреба. Людолов принял кружку и долго, с наслаждением пил малыми глоточками.

– Тела мы унесли во-двор, – она оглядывала суetyщихся служек, торопливо замывающих следы бойни. – Но в той комнате наверху мыли уже все на три раза. Этот запах...

– Что – запах?

– Запах крови – кажется, он не выветрится оттуда никогда. Какой ужас, что творится, Господи...

– Где Василиса? – спросил он, допив сладкий напиток. Поймав недоумевающий взгляд пояснил: – Где девушка, что была со мной? С ней – все в порядке?

– Мы перенесли ее в другую комнату, но она не пришла в себя. Намучалась. Кто это были, людолов?

– Не знаю, кто, но точно не простые разбойники, – честно ответил тот, устало опустив плечи. Все тело теперь болело – каждая ссадина, каждая рана. Нужен был отдых как можно скорее, но он, все же добавил:

– Охотились на охотника, выходит. А вы – были лишь сладким дополнением к моей голове.

Хозяйка хотела еще что-то спросить, но он остановил ее мягким жестом.

– Я устал, милая. И трепаться у меня нет никаких сил – уж не обижайся. Нужно отдохнуть. Только гляну что с Василисой все хорошо – и упаду спать.

– Что-нибудь еще нужно будет? – хозяйка поджала губы – все же обиделась. «Баба есть баба» – смирился Нелюдь.

– Да, пожалуй... Мясо. Много мяса завтра – жаренного, варенного – не важно. Мясa и хлеба. И вот еще что...

Людолов снял с пояса мешочек и высыпал на порубанный стол содержимое – кольца, цепочки, обрезки – серебро и золото.

– Это всем выжившим, – глухо пояснил он. – Разделите по равным долям каждому. Каждому!

– Это очень много, людолов, – сопротивление огромной женщине было явно неискренним, потому он просто махнул рукой и отвернулся.

– Считай это вирой. А запах, – он остановился в раздумье. – Этот запах крови врагов. Считай это запахом победы и жизни – пусть он тебе будет долго напоминать то, что ты жива, и можешь радоваться жизни. А они – больше никогда не смогут – и то был их выбор... Про мясо – не забудь!

– Велю зарезать гуся на завтра, – кивнула хозяйка и направилась к столу с «вирой».

Глядя удаляющемуся людолову вслед и, поймав на себе взгляд хозяйки таверны, отец Евстафий мелко закивав головой на ее немой вопрос, сказал:

– Пути господни – неисповедимы. В милости своей Христос послал нам... Спасение. Но спасителя для нас он выбрал самого отвратительного из всех возможных.

Василиса лежала под бараньей шкурой с закрытыми глазами, но он еще издали услышал ее неравномерное, прерывистое дыхание. Слегка приподняв ее, аккуратно, чтобы не навредить он потряс ее за плечи, позвав по имени. Реакции не последовало, и девушка не пришла в чувства. Тогда, расстегнув пояс, он пряжкой ремня слегка уколол ее в руку – она подскочила с воплем, наверняка перепугавшим и без того нервных сейчас постояльцев. Не разобрав ничего в темноте, она тут же попыталась бежать, но он легко поймал ее, без звука выдержав град уда-

ров кулаками, куда попало от нее, и новые вопли. В конце концов, если учесть все, за сегодня, его так нежно еще никто не бил.

– Василиса. Васса! Да очнись ты! – он встряхнул ее сильнее. – Все! Все закончилось – все. Никто тебе не угрожает. Все. Прекрати! Я тебе не наврежу. Тебе никто не навредит. Все закончилось.

Она словно не слышала – сильные чужие руки держали крепко. Василиса билась, царапалась, кусалась – ей говорили что-то успокаивающее, она не могла разобрать что именно, но далеко не сразу до нее дошло кто перед ней.

От людолова пахло кровью, псиной, костром и дымом, и она, сама не понимая, что делает, крепко прильнула к нему, вдохнув полной грудью эту ядреную смесь ароматов. Нет и не было ничего слаще этого аромата – аромата жизни. Пусть и с ядреным душиком. Лют удивленно хрюкнул, замерев, но, не отстраняясь, а она жадно вжалась, почти вгрызлась своими губами в его губы. Его вялые попытки сопротивляться быстро сошли на нет, под ее напором, и чудовище великого князя киевского, вдруг, ответило на ее ласки с такой страстью и прикрыком, что она, вконец потеряв голову, сама начала помогать ему и себе избавляться от одежды.

– Нет-нет-нет – нельзя! Потом жалеть будешь! – пытался еще он как-то все остановить, пытаясь взять над собой и ей контроль, но контроль неуловимо ускользал все дальше и дальше. Да что там – он ускользнул сразу же.

– Можно, – шепнула она.

– Моя княжна! Я ее...

– Я твоя княжна! Я буду хоть кем сейчас для тебя. Кем захочешь, – с жаром шептала она, прижимаясь к нему своим горячим, молодым обнаженным телом.

– Ты не хочешь меня. Ты просто...

– Ошибаешься! Очень хочу. Очень!

А дальше было еще одно безумие – достойное продолжение безумной ночи.

– Василиса...

– Молчи! Просто – молчи!

6 глава. Неприятности.

Здесь не было солнца, лишь вечная тень и сумрак. Что-то большое рокотало в дали, поднимая столбы пыли и каких-то обломков. Он привычно втянул воздух, пытаясь понять предупреждения, о которых тот мог ему поведать, но воздух казался предательски-чистым. Густой непроглядный мрак клубился неподалеку, и в нем чудилось движение. Точно! Из непроглядной тьмы выступали темные призрачные фигуры, медленно двигаясь в его сторону. Волосы на загривке встопорщились – он предостерегающе грозно зарычал. Фигуры остановились, но одна, самая небольшая, продолжила медленно плыть к нему. Что-то знакомое было в ее очертаниях, он силился понять, что же, когда горизонт дрогнул от рева, а мрак вдруг поднялся до небес.

На широком ложе из медвежьих шкур человек с могучей фигурой атлета, метался с жалобным стоном в поту, рыча и силясь, проснуться, а маленькая хрупкая, перепуганная женщина пыталась его разбудить, вновь и вновь шлепая своей тонкой ладошкой по широкому бородатому лицу. Безрезультатно – мужчина извивался на ложе, весь в холодном поту. Его выгибало дугой так, будто он вот-вот взлетит над шкурами ввысь, вопреки всем законам мироустройства – в отчаянии она навалилась на него всем весом, прижимая к ложу, зовя по имени в голос, но и это не помогало. Он корчился так, словно его рвали сотни ртов и сотни когтей. По крупному телу мужчины бежали судороги и мурашки размером с орех – он корчился еще какое-то время, а потом замер, как убитый. Тяжело дыша от пережитого за ночь, она еще какое-то время наблюдала за ним, но его дыхание теперь было ровным, успокаивающе-мирным... До самого утра.

Утро, не смотря на кровавую ночь, не было мрачным и тяжелым. Наскоро поев и взяв с собой еды в дорогу людолов, готовился к отбытию. Могучий, организм обладал куда большей прочностью, чем обычный человеческий, но огромные мышцы требовали много еды. Три раны, которые он получил – зарубцуются уже сегодня, так что совсем не будут мешать, а через неделю – от них останутся лишь незначительные шрамы. Мелкие царапины и синяки – не в счет – их не стало уже после завтрака – на такое он просто не обращал своего внимания.

Не говоря ни слова после обильного завтрака, он отвел Василису в конюшню и передал ей повод уже взнузданной кобылки из его заводных.

– Она же твоя?

– Она мне надоела, – не глядя на нее мягко возразил он. – Там полные сумы еды – тебе на дорогу хватит с лихвой. И серебра немного – все, что было на татях, побитых ночью. Не спорь – тебе надо отсюда уезжать, и быстро.

– Лют?

– Что?

Она взяла его лицо в свои ладони и повернула к себе, так чтобы он смотрел ей в глаза.

– В тебе смущения больше, чем во мне из-за того, что было.

Он ухмыльнулся своей подергивающейся ухмылкой, блеснув глазами – явно пугал.

– Скажешь тоже, девка. Скачи, пока не передумал! Немедля! Видишь – люди разъезжаются? И тебе б стоило. Сейчас. У этих поблизости – и друзья могут быть.

– А с тобой нельзя?

– Со мной сейчас опасно – ужель не поняла? Собственно, со мной опасно всегда. Езжай, не дури, Васса – тебе такое не нужно.

Она склонила голову на широченную грудь своего нечаянного любовника, а потом, что-то решив, поцеловала его в сухие губы, и повела кобылу наружу.

– Ты лучше, чем о тебе думают, людолов! – сказала она на прощание, уже из седла. – И лучше, чем о себе думаешь сам! Бог даст – увидимся!

Она стукнула пятками кобылу в бока и та, повинувшись ее воле, поскакала прочь через открытые ворота, в поле и лес. Людолов долго смотрел ей в след в глубоком раздумье. Очень долго, и никто в это момент, даже любопытствующая стража, не смела, посмотреть в его страшное лицо.

– Ну вот – теперь мы снова вдвоем, – заключил людолов с грустной улыбкой непонятно кому – толи коню, толи голове Вольга, толи для самого себя.

Седельная сумка продолжала тихонько позвякивать, подпруга скрипела, отрубленная голова в мешке неспешно покачивалась. Бес рысил по тракту без понуканий хозяина, не мешая его думам. Людолов склонил голову, прикрытую капюшоном и, казалось, дремал, но чуткий слух привычно отслеживал каждый подозрительный звук, будь то шорох листвы или скрип оттягиваемой тетивы. Эта привычка не раз спасала ему жизнь, и княжий охотник был абсолютно уверен, что никто к нему незамеченным не подобрётся.

Впрочем, теперь эту самую опасность Людолов, после вчерашних откровений, чуял с самого выезда из таверны. Её запахок витал в воздухе, всё гуще и осязаемее. Незримым напряжением крался за ним, но как ни старался охотник прогнать дурные мысли, источник напряжения он найти не мог. Лес и сам тракт были чисты, говорили слух, зрение и обоняние.

Несколько часов спокойной езды и вовсе его расслабили. Когда-то его учили, что ни в коем случае нельзя показывать, что обнаружил засаду. А если засаду не обнаружил – тем более, кажись совсем расхлябанным и беззащитным. Тем неожиданное будет для врага твой отпор – именно так он и поступал.

Людолов улыбнулся, откинувшись в седле, хотя внутренне был собран словно для прыжка. Это была привычная работа опытного, матерого хищника. Сделать из себя приманку,

живца по, должно быть, самой древней уловке пращуров. Древней, но по-прежнему действенной. Охотник бросается на добычу, будучи абсолютно уверенным, что она от него никуда не денется. И тут добыча самая оборачивается охотником, а всё вокруг превращается в её капкан. Хлоп! И нет охотника. Подлость, коварность, бесчестие – вот чем считали в Киеве такой его подход. Говорят, в детинце его многие не любили за это. Плевать! Это гридням в поле полевать, здравицы орать, да угощение княжье жрать – в этом всем они, спора нет, горазды. А у людолова своё дело, и ещё неизвестно – чье опаснее, да кто князю больше пользы приносит!

Вольг оказался лишь частичкой правды – малым звеном. Воевода в Киеве – об этом Великий князь обязательно должен узнать! Узнать и далее – искать след. Воевод в Киеве – с полдюжины, если не считать бояр, ведь разбойник мог и напутать – его дело – маленькое. Как же все недооценивали все происходящее? А враги его уже полюют – как в воду глядел, отсылая Вассу. Ну, ничего, скоро они обязательно покажутся, не могут не показаться, а уж тогда... Усилием воли Людолов смирил мысли и чувства, покачиваясь в седле и будто дремля на ходу.

Тракт выходил к мосту, к нему по крутому берегу вела ещё одна дорога. Когда Людолов оказался почти у моста на этой дороге показались всадники. Поскольку тропинка спускалась вниз, то всадники оказались на холме, позади них светило едва вошедшее солнце, поэтому разглядеть их Людолов не мог, только увидел, что их двое, верхом на крупных конях, а значит, скорее всего, воины.

Охотник остановил Беса, выжидательно посмотрел на вершину склона, где были всадники, но они никак на него не реагировали. Людолов продолжал стоять в низине, никак не выдавая своего нетерпения. Один из всадников кивнул другому на людолова, и оба, неспешно, поехали вниз. На середине пути, сообразив что-то, раскинули пустые руки, показывая свою не враждебность.

– Хой, здравствуй добрый молодец, кто будешь? Откуда? рады встрече мы, ой...

Попутчик осекся, когда Людолов скинул капюшон, открыв изуродованное шрамами лицо с разными глазами. Даже кони заржали и отпрянули так, что наездникам пришлось их усмирять.

– Я людолов князя Киевского Владимира – аль не узнаете? Еду по своим делам. Вы, чьи будете?

Наездники тревожно переглянулись, кони у них были неплохие, степных кровей, а вот бронь – паршивая: кожаная куртка с редкими полосами железа. Из оружия – небольшие топоры, тоже не великой цены. Один из них был рыжий, рябой, с носом, свёрнутым на бок, другой беловолосый, густобровый, курносый. У обоих редкие бороды едва скрывали подбородки.

– Здрав будь, – робко начал беловолосый. – Я Зояр, это вон Быструн. И мы не чьи-то холопы, а свободные вои. Купеческие охранники. Вот приехали узнать, как тут и что.

– А где ваш караван?

– Так позади остался. А мы – в стороже.

– Много вас?

– Четыре возка, пять да десять людей. Охранных воев – восьмеро.

– И все такие же лихие?

– Есть и постарше.

Людолов хмыкнул, по этому звуку нельзя было понять, разочарован он или нет.

– Мы это, в ваши дела не лезем, – набрался смелости Зояр. – Но мы тут в Киев едем, а говорят тут окрест – тати озоруют. Причём не просто грабят, режут, душегубят, а чуть ли не живьем едят. Может, господине, с нами поедете? Я как вижу, всё равно в одну сторону едем. А вы – подспорье доброе в любой возможной схватке.

Людолов заиграл желвакам – он думал долго. Так что молодцы стали переглядываться, когда он, наконец, изрёк:

– Поезжайте. Если захочу – присоединюсь. Мне все – едино.

Людолов отъехал от моста, давая дорогу каравану, и застыл вместе с конём словно изваяние.

Один за другим через мост стали переваливать и спускаться возки с товаром. Охранники и возничие опасливо косились на недвижимого богатыря в вороненной кольчуге, со следами застиранной крови на одежде, который вроде даже не моргал, провожая их своими пугающими глазами.

Лишь один раз главный в охране каравана, судя по добротной броне, вскинул руку в приветствии, а главный купчик, если судить по богатому кафтану, испуганно привстал и снял шапку.

Людолов дождался пока весь караван проедет по мосту, затем пришпорил Беса и поехал вслед. Легко догнал поезд и встал в середину. На него оглядывались, но никто не препятствовал. Главного из воев найти было легко – на его плечах было больше всех железа и украшений – и после короткого приветствия, завязал вялотекущий разговор. Звали купца Борчей, имя было степным, хотя сам охранник вряд ли был из печенегов – пусть и смуглый, но недостаточно: загар в самом низу шеи был заметно светлее лица. Черты лица скорее в нем выдавали угра^{*11}, чем привычного в здешних степях печенега: у него были мелкие, чуть на выкате, глаза и никакой скуластости. Правую его щеку пересекал глубокий шрам, плохо сросшийся. От этого Борча постоянно кривил губы и, казалось, что он криво улыбается, дразня людолова похожей улыбкой. При этом Борча обнажал зубы, которых тоже был недобор. Красавцем его бы никто не назвал, но Людолов привык судить не по внешности, а по делам и собственному чутью. У князей на службе порой такие изуродованные встречаются, а честнее и вернее их – нет! Зато златокудрых красавцев полно таких гадюк, что только держись. Внешность – обманчивая величина.

– С вышгородской ярмарки путь держите? – спросил Людолов.

– Что ты, – Борча скривился ещё больше, – улыбнулся его же улыбкой. Обрадовался, что грозный слуга князя, может и о людских делах говорить.

– Она почитай луну как закончилась. Мы с Бортьего Брода едем, товар на рынок в Киев везём.

– Спешили, поди?

– Не, нам не к спеху, а то и вовсе повезёт до дождей остаться, тогда все гривны можно в городе промотать без зазрения совести, – Борча засмеялся собственной шутке.

Людолов кивнул, хотя давно уже чуял, что у одной из лошадей хомут почти стёр в кровь шею. Другая вполне себе бежала бодро, может от того, что выглядела более сытой и холеной.

– А что на продажу везёте? Воск, мёд? – Людолов потянул носом, хотя уже и без того знал ответ.

– Да не, на Бродах у моего нанимателя есть тиун знакомый. Он ему товар по выгодной цене продаёт. Ой, ну ты не думай, – спохватился Борча и округлил глаза, – князя обдурить и не думаем. Сам ведь знаешь, тиунам народ сам подарки тащит, угодить пытается, знают они, где товар по дешевке можно взять. А когда продавать будем – все пошлины уплатим, как положено. Чем хочешь, могу поклясться! Даже тиуна приведу, что у нас товар примет. А ещё...

Людолов отвернулся, показывая, что ему разговор не интересен. Заметив это Борча, недовольно кривясь, замолчал.

Телеги поскрипывали, копыта цокали по земле, караван неспешно ехал по тракту вдоль реки. С одной стороны обрывался крутой берег, вдоль которого тёк приток Днепра, с другой густой лес. Дорожка была весьма узкая, так две телеги с трудом могли разъехаться.

– Хороший год выдался, – неожиданно изрёк Людолов.

¹¹ Угры – венгры. Следует напомнить, что в 10 веке венгры все еще были кочевниками, хотя и уже не наводили ужас на все окрестные народы Европы, как это было веком раньше.

Борча удивлённо посмотрел на него – он уже не думал, что Нелюдь заговорит вновь.

– Эт да. Урожай богатый, мора не было, даже степняки не озоровали.

– Только разбойники.

– Что разбойники?

– Ну, ваши сказали – разбойники озоруют.

– А, да. То дело привычное, чай не орда степная.

– Не орда, – подтвердил охотник, на миг, нырнув в воспоминания. – А чего хозяин твой будто на иголках?

– Он мне не хозяин, – мягко, но твёрдо, сказал Борча и сплюнул. – Даже не наниматель. Можно сказать, мы с ним урядились, что если товар довезём, то долю от добычи я получу.

– От добычи, – повторил Людолов и улыбнулся.

– Да, понимаешь, надоело по шляхам да трактам кататься, вот думаю, ещё пару караванов сопровожу, и с накопленными деньгами на земле осяду. Думаю, где-то на Закате землицы взять. Там орды под боком – нету.

Людолов продолжил слушать речь охранника, на этот раз, слушая с участием, иногда одобряя кивком ту или другую фразу Борчи.

Тот продолжал неспешный монолог, всё больше радуясь, что разговор налаживается. Ну а что, хоть Нелюдем его за глаза кличут, так и пусть – зато он в ближниках у князя! А такая дружба всем может пригодиться.

– Может, привал сделаем? – предложил Борча. – Солнце уже за маковку перевалило.

– Нет, – впервые за долгое время обронил слово, Людолов. – До заставы доберёмся, там отдохнём.

– Что ж, тоже, верно, – согласился охранник. – Быстрее приедем, быстрее со всем разберёмся.

Борча взял с пояса фляжку, отхлебнул, протянул Людолову:

– Из Тамани, пусть и разбавленное. Будешь?

Охотник отрицательно мотнул головой.

– Как знаешь. Пойду купчику нашему скажу, что да как – пусть не волнуется. До заставы, так до заставы. Вех, побудь рядом с гостем, чтобы не скучал.

Борча уехал к первому возку, а к Людолову подъехал скуластый крепыш, чьи глаза почти утопали в глазницах.

– Хорошо вам с таким батькой? – изрёк Людолов, с улыбкой, дружески похлопав отрока по плечу.

Вех будто и не удивился, ответил тоже с улыбкой:

– Хорошо.

И захрипел, когда кривой нож Людолова вонзился ему в шею. В самый низ, где белела полоска более светлой кожи, почти такая же, как у Борчи.

Охранник, что ехал рядом с возничим на второй телеге, в этот же момент уткнулся в упряжь лошадей, захрипев и забулькав. Из шеи чуть пониже затылка у него торчал метательный нож.

Охранник на третьем возке ехал совсем рядом с ними, и услышал знакомый хруст, с каким сталь пробивает хрящи, мясо и кость, но успел лишь привстать перед тем, как увидел что-то ярко-блеснувшее перед глазами.

Людолов хоть и бил с левой руки, просёк лицо воину и разрубил всю височную кость, затем толкнулся свободной рукой от луки седла, ногами от стремян, и легко взмыл в воздух. В полёте, используя силу своего толчка, освободил саблю из разрубленной головы, и мягко приземлился на груз в возке. Там было что-то мягкое – может, в самом деле, шерсть или шкуры.

Охранники на возках уже вскочили, замахиваясь сулицами, конники потянули из ножен клинки, а двое взялись за луки. И тогда Людолов завыл по-волчьи, мощно, с прирыком. Завыл

протяжно и страшно, как целая стая голодных зверей лютой зимой. От такого звука в животе сразу пустеет и становится холодно, а руки-ноги предательски слабеют.

Воины может, и совладали бы со своим страхом, но лошади не смогли – встали на дыбы, забили копытами, заржали и только Бес стоял как вкопанный – он и не такое слышал. И видел.

Людолов увернулся от сулицы, брошенный со спины. Охранник перед броском второй замешкался, не того ожидал, бросая в спину, и Людолов сам прыгнул к нему на последний возок. Через один удар сердца рука с зажатой в кулаке сулицей упала в дорожную пыль, а следом за ней свалился и ее хозяин, захлёбывающийся кровью из распоротого горла.

Людолов хищно огляделся, скорее не увидев, а почуяв, отреагировал, приподняв плечо – о плотную вязь доспеха на нём бесполезно звякнул метательный нож. Пеший молодчик остался последним, остальные конной толпой, уже мчались к месту бойни, вознамерясь порубать княжьего слугу. Купца и возницу как ветром сдуло с телег – попадали на тракт и спрятались под возками.

Зояр и Быструн, только-только успокоившие коней, тут же были атакованы людоловом, действующим со стремительной грацией рыси. С невероятной сноровкой, походя, Нелюдь выдернул из чехла у седла громадную датскую секиру.

Зояр развернул и пришпорил коня, что правильно, поскольку у него в руках был лишь лук, а вот Быструн поднял щит, достав с пояса топорик. Зря он так поступил – людолов оттолкнувшись от возка, рубанул вкруговую, так что воздух завыл, вложив вес тела в удар по щиту. Тяжелое лезвие как лозу, прорубило щит и, не останавливаясь, ударило в голову. На Быструне был шлем, и секира не просекла лоб, а лишь оставила вмятину – хрустнули позвонки, и оглушенный вылетел из седла.

Людолов мягко упал на землю, обернулся. К нему спешили пятеро всадников: трое ошую*¹², двое одесную. Справа к нему рвался Борча с одним наездником, как раз мимо Беса. Людолов коротко переливисто свистнул, по-особому, как мог только он. И жеребец словно взбесился, причём всеми четырьмя копытами: сначала мощно лягнул назад, от чего лошадка переднего всадника кувыркнулась вперёд, а сам охранник перелет через ее голову – хрякнули кости и человек остался лежать там, где упал. А Бес моментально встал на дыбы, замолотил передними ногами в воздухе. Борча тоже махнул саблей пару раз, пытаясь отбиться от осата-невшей скотины, но получил удар копытом в грудь и свалился с коня.

Против Людолова остались трое всадников и один пещец. Последний принялся скакать горным козлом, с возка на возок, стараясь быть дальше от охотника. От стрелы в лицо Лют закрылся плоскостью топора. От стрел со спины, из лука уехавшего Зояра, его защищала лошадь Быструна. А вот всадники впереди не спешили атаковать. Видимо сообразили, что на тесной дороге, без разбега у них не будет преимущества перед здоровяком и его здоровенной секирой.

Лучник, привстав в стременах, метал одну за другой, стрелы. Оставшиеся всадники стали разворачивать коней. Пещец тоже застопорился, оглянулся на своих уезжающих друзей, и тут же получил метательный нож в глотку. Не глядя более на него, охотник бросился в погоню за всадниками.

На бегу он увернулся от одной метко пущенной стрелы, вторая прошла по касательной и застреляла в кольчужном рукаве, затем Людолов ловко принял в сторону от лягнувших в него копыт. На лошадку он не обиделся, животное есть животное, а он и впрямь ведь страшный. А вот её наездника он рубанул по ахиллу. Его вопль уже был в спину, Лют ринулся дальше. Поднырнул под укол копыа, перехватил его, потянул на себя, и воткнул засапожник в пах её хозяина. После чего от души хлопнул по крупу лошади, та взяла в галоп и почти сразу столкнулась с лошадейо лучника.

¹² Ошую – т.е. слева; одесную – т.е. справа.

Робкая тень, за которой он наблюдал краем глаза, оказалась рядом. Он, не глядя махнул своим страшным топором, и воин на возке лишился обоих ног ниже колен. Лучник меж тем бросил затею, попасть в Нелюдя из лука, развернул и пришпорил коня – прочь от этого дурного места! Тогда княжий охотник подобрал копье, которым его хотели попотчевать, длинное и тяжелое, явно для всадника и неудобное для метания, но уж что было. Запрыгнув на возок, на котором всё ещё вопил воин, молотя обрубками по грузу и заливая чехол кровью, княжий слуга примерился и, с хеканьем, метнул копье. Оно попало точно во всадника. Могло и не убить, поскольку у того на спине висел щит, но засело в нём крепко. Лют выдохнул сквозь зубы, тут же услышал треск рядом. Отпрыгнул, даже не видя опасность. Оказалось, что из залитого кровью чехла, натянутого над грузом, торчало копье.

Людолов спрыгнул на тракт. Борча. Стоит, улыбается, поигрывая его же саблей. Молодец, хитро подsunул копье внутрь кузова, сам за бортом прятался – могло б и выгореть. И не стоять бы сейчас князьему слуге, а корчится, путаясь в своих кишках, крови и дерьме из пропоротого брюха.

– Бежать не будешь? – спросил Людолов.

– Сам беги, нелюдь поганая, – Борча прыгнул на него, ударил с двух рук.

Людолов принял взмах на обух секиры, оттолкнул клинок, одновременно уходя вбок и за спину врагу.

Борча всё понял правильно, рванул вперёд и резко развернулся, махнув саблей понизу. Он мог ранить охотника, если бы тот сунулся за ним в след, но Людолов не купился.

– Прекрасная сабля! Знаешь ты толк в оружии, – прохрипел, скалясь Борча. – Я ее оставляю себе, когда она перерубит тебе глотку.

– Она не любит менять хозяина, – любезно улыбнулся в ответ людолов, и немедленно атаковал. Он слышал дробный рокоток в дали. Такой звук от множества копыт, когда всадники несутся во-весь опор. И так как звук был с той дороги, которую он прошел сегодня – вряд ли это были друзья.

Пользуясь преимуществом длины рук, своей мощи и тяжести оружия, людолов обрушил на врага и его щит град тяжких ударов. Борча отбивался, отступая, ловко подставляя щит так, чтобы принимать удары не силой, а вскользь. Нелюдь теснил без малейших шансов на контратаку, без устали махая тяжелой секирой на практике доказывая, что «двуужильные» – существуют. Безнадежно отступая и уступая, Борча оказался на открытом месте, за телегами. Щит затрещал, рука, не смотря на ухищрения, стала плохо слушаться и наливалась тупой болью одеревенения. Борча попытался прыжком разорвать дистанцию, чтобы сбросить с руки остатки щита и метнуть нож. Это почти удалось – щит таки слетел обломками, но вот метнуть нож с левой руки не вышло – ее обожгло тупой болью, а бросок вышел курам на смех. Поймав насмешливый взгляд Люта, мужчина скрипнул зубами, и воины закружили друг напротив друга, словно скованные невидимыми цепями.

– Как нас раскусил? – переводя дыхание, но, не переставая улыбаться, спросил Борча.

– Загар на шее. Прошлый доспех у тебя был с более высоким воротом, – ответил Людолов, ровным голосом – он, казалось, нисколько не запыхался.

– Да и у твоих друзей – тоже. Говорил, что едете от Бродов и не спешили, а лошадки заморенные. Одна свежая в упряжи. Должно быть, зарубили одну лошаденку, когда купцов резали? Пришлось свою впрягать.

– Торгаши сами бузить начали. Сидели бы тихо – остались бы целые.

– Врешь! Таких видов – никто в живых не оставляет! Да и что б было, если б я с ними заговорил сразу?

– Сказали б то, что велено! Да и кто со смердом лясы точить будет? Им велят – они – делают. Но в одном ты прав – один хер всех бы порешили. Судьба у них така.

Людолов понимающе кивнул.

– Своих в плохую бронь облачил. Неужели на самом деле надеялись меня обдурить?
– Так почти вышло же?

– Почти. Вот ты и сейчас время тянешь. Думаешь, подмога придёт, хоть за пособников твоих порубленных отомстит? Может даже тебя спасёт. Думаешь, я не слышу грохот копыт по тракту?

Улыбка на лице Борчи, сменилась удивлением, когда Лют, коротким ударом, сбил оружие врага в сторону, вторым нанёс укол выхваченным засапожником в горло. Клинок вспорол все – от кадыка до яремной впадины, пустив целый поток крови. Ватажник удивленно перхнул захлебываясь, а его запястье уже хрустело в каменной хватке – Нелюдь вывернул его руку и отобрал свою саблю. Приблизил лицо нос к носу к умирающему разбойнику.

– Не смей умирать, пока я не разрешу, – сказал охотник, глядя в расширенные от ужаса и отчаяния глаза Борчи. – Надеешься, что твои дружки меня догонят и зарежут? Кишка у них тонка. Они трусливые тати – душегубы! И даже не знают то, что уже знаю я. Им – не жить. Этот вечер они не переживут так же, как и ты. Я прослежу, чтоб сдохли все из вашего брата. Каждый. А потом визнаю все про крамолу, и калёным железом выжгу её из города. И всех предателей псам скормлю, чтобы они в объятия к Морене*¹³ попали. А ты теперь ступай за кромку, к своему атаману, душегуб.

Людолов стремительно взмахнул саблей, и голова Борчи слетела с плеч.

Округа наполнилась воплями раненых и стонами умирающих, непривычные выючные лошади нервничали, ржали и били копытами. Оставшиеся в живых купцы сидели и под возками тише мыши.

Людолов прошёл по залитому кровью песку тракта, к Бесу, хранящему добродушное спокойствие в этой вакханалии, благодарно похлопал его по шее, и вскочил в седло. Из-за поворота уже выезжали всадников, которые попридержав коней, разглядывали место скоротечной рубки.

Лют вынул лук из тула, быстро накинуд, тетиву, и привстал в стременах. Одна, две, три стрелы улетело во всадников. Попал! Одна из лошадей скинула всадника и завалилась на бок. Выехавшие всадники заорали и бросились за Людоловом. Тот дождал, пока расстояния сократится до половины перестрела и тоже пустил Беса вскачь.

Бегство было рискованным – на крутом повороте, лошадь вполне могла улететь с крутого берега в мутную воду реки, но опасность была скорее для тех, кто скакал в табуне за Людоловом, а Бес... Охотник не сомневался, что даже безлунной ночью его скакун не умудрится так, подвести.

Погоня отставала, ни у кого из татей под седлом не было такого великолепного коня, как у него. Разбойники отставали, но не сильно – людолов придерживал Беса, чтоб не потеряться из виду. Лук он держал в руках, готовый добавить ватажникам бодрости парой-тройкой метких стрел, когда услышал знакомый переливистый свист степной стрелы. Одна просвистела над ухом, другая – совсем на излёте, обожгла руку, повыше локтя. Он тут же почувствовал тёплую струйку, стекающую по коже. «Сукин сын!», – не без восхищения подумал людолов. Степняк, чтоб его черти рвали – только он мог так стрельнуть из преследователей! Упрямый. Ну, чтож – стало быть, надо поторопиться. Такой может все планы порушить – стрелять умеет, как немногие. Того и гляди – попадет уже в серьез.

Расстояние, которое прошёл караван за полдня, всадники проскакали за время достаточное, чтобы съесть миску супа. Нелюдь сорвал небольшой боевой рог, что был у седла, и протрубил – раз, другой. Потом протрубил «Сполох» *¹⁴.

¹³ Морена – языческая богиня Смерти.

¹⁴ Сполох – сигнал тревоги.

Тропа нырнула вниз, к очередному мосту. Людолов придержал коня, так что он спустился крупной рысью. Преследователи, что оказались выше охотника, радостно заверещали и принялись метать стрелы, что жарко шоркали совсем рядом – неумехи! Даже не оглядываясь Лют, знал, что только степняк убрал лук и сейчас распутывает аркан. Взять Нелюдя живым! Вот это был бы подарок всем его недругам! Иные, за живого, поди, готовы заплатить серебром по весу. Людолов совсем остановился, перекинул щит со спины на руку, ловя стрелы. За себя он не особенно боялся, а вот Беса криворукие могли подстрелить.

Погоня спускалась следом. В горячке азарта от близости жертвы мало кто из ватажников заметил разведённые костры рядом с бродом, и что по левую руку от них в рощице стоят не особо прячась, кони, на которых в сёдлах ждут гридни в полной броне. Людолов знал, куда их вел, а людей и железо – почуял еще издали, у каравана. Гридни наблюдали из укрытия кустов, а Людолов дождался пока преследователи проедут треть расстояния до него – он уже видел их жестокие улыбки, огорчено заметил, что степняка среди них уже не было, но все же, завыл по-волчьи. Так завыл, что даже матёрый серый от этого воя сбежал бы, поджав хвост, если, конечно, не кончился бы на месте же, от разрыва сердца.

Спустя мгновение из рощи донёсся грозный рев, куда более страшный, чем вой, потому что издавали его десятки тренированных могучих глоток. Окольчуженная гридь ударила в копыта по разношёрстной толпе ватажников, со стремительностью кабана секача, на ходу поддевающим клыком лисицу. Меньше чем за десять ударов сердца большая часть преследователей была поднята на копыта, сброшена с коней и втоптана в грязь. Оставшиеся счастливики бросились к реке, надеясь переплыть вброд. Их били стрелами как уток.

Людолов не смотрел на расправу. В глотке пересохло от перенапряжения, и он поминутно прикладывался к фляге.

– Лют! Чтоб тебя черти драли!

Он обернулся на голос – к нему, на великолепном аргамаке, подъезжал именно тот, кого он ожидал, во всей красе своего пусть и походного, но дорожущего убранства. Одежды одежками, но они никогда не спрячут человеческой сути – у говорящего глаза северного волка, и этот особый взгляд не спрятать никак. Сколько лет они не виделись? Пять? Семь? Десять? Кто ж упомнит. Молодой парень, каким ему помнился друг по детским играм – изменился. Жесткая морщинка у губ, длинная морщина на лбу, новый шрам на виске и через бровь, широкая, окладистая и ухоженная борода – не парень, а полноценный военный вождь. Вождь привыкший повелевать и привыкший чтобы ему подчинялись. Другой и не поладил бы с вольнолюбивыми и буйными новгородцами, не имел бы успешных дел на Севере, с норегами, данами, свейами и прочими немцами¹⁵. Князь Ярослав Владимирович изволил широко улыбаться, и людолов не мог не ответить тем же.

– Здравья тебе, князь! – поклонился он в пояс.

– А, к черту твои вежливости, – князь совсем как в молодости при встрече после долгого расставания, раскинул руки и крепко обнял Люта за плечи, хлопнув широченной ладонью přátельски по спине. – Кто это такие? Чего гнались-то?

– Разбойнички. На вас и выводил. Правда боялся, что не поспею и придется догонять в пути, аль на встречу скакать.

– Ого? Так ты ждал нас здесь? – не без удивления Ярослав отстранился от людолова. – Как так?

– Ну, это-то, не мудрено, – устало пояснил людолов старому товарищу по юношеским игрищам при дворе князя. – Всего-то стоило помнить о дне рождения твоего батюшки, понимать какую дорогу выберешь, знать, как быстро идет дружина и то, что здесь хороший клев

¹⁵ Стоит напомнить, что слово «немец» со славянского имело смысл ничего иного как «немой», не умеющий говорить по-людски. Да, вот такие вот нравы были в те времена.

на удочку, да и место для стоянки. Ты никогда бы не упустил случая поймать стерлядочки на вечерней зорьке, вместо того, чтоб пылится в походе до заставы.

– Но мы ведь могли и задержаться в пути?

– Я рисковал. Но я знал, что к празднику ты поспеешь вовремя, а потому...

– А потому я начинаю беспокоиться о своей предсказуемости, – Ярослав расхохотался в голос. – Составишь компанию с удочкой? А то Тьельвар да Хаки таких рыбных ловитв – так и не понимают. Заодно и правду расскажешь, ну откуда узнал о моей дружине? Гонца встретил или купцы предупредили?

Людолов только многозначительно усмехнулся, и посмотрел на свой рукав, который ниже кольчуги окрасился багряным.

– Ты ранен? – сразу спохватился князь, окидывая его цепким встревоженным взглядом. – Позвать лечца? Сильно?

– Не, – отмахнулся людолов. – Если бы сильно – у тебя б не задерживался и сразу к Баяну б поскакал, сам знаешь. Отсюда – не так далеко.

Князь кивнул и, хитро глядя, пытливо осведомился:

– А ежели я как-нибудь, когда ты туда отправишься, велю людям своим отай*¹⁶ следовать за тобой, да так чтоб воняло от них не железом, а лишь шкурой звериной и да прочим таким – и выследим место. Смогу ли зайти в него?

– Нет, князь, – улыбнулся людолов. – Не сможешь.

– Как-так?

– Место не пустит чужого. Будешь рядом ходить вокруг да около, а не найдешь. Ничего не выйдет.

Князь явно расстроился.

– Ох, уж та ворожба мне!

– Да не нужно тебе то место, – успокоил его Лют. – Ты ведь христианин? Зачем тебе капище?

– Затем же, зачем тебя к себе на службу зову. А ты все отнекиваешься да отнекиваешься. Аль поменялось что?

– Нет, Ярослав. Извини. Я служу батюшке твоему. А ты – друг мой, разве ж того мало?

– Ну, уж озолотил! – новгородский князь рассмеялся заразительно и звонко. В это же время его громилы нореги добивали раненных разбойников топорами. Один из них, здоровенный альбинос с красными веками, приветственно помахал окровавленной секирой людолову – тот повторил жест.

– Заскучали мои в походе. Хоть развлечения подкинул. Давно в гости не заезжал, кстати, – оценив все, заметил князь. – Вон и Тьельвар с Хаки – соскучились по тебе – дружку-душегубу. Дел много?

– Дел много. Есть что обсказать Владимиру.

– А ну-ка? – заинтересовался князь. Его рыжеватая борода смешно встопорщилась.

– Не могу сказать, – честно ответил людолов. – Пока – не могу.

– Ну не можешь, так не можешь. Айда в лагерь – отдыхать будем. Угостимся по новгородски, как в старые добрые времена!

А мимо, стуча колесами, проплывала вереница подвод – со снедью и хмельными напитками. Вся Русь сейчас скрипела колесами телег – отовсюду обозы и люди тянулись в сторону Киева. День рождение Великого князя – это не просто так. Такое – пропустить – нельзя. Такое – всем народом празднуется!

¹⁶ Тайком.

В корчму вошли трое – двое гридней, судя по доспехам. Третьего по раскосым глазам и одежде хозяйка безошибочно определила как степняка. Следы бойни между ватажниками и людоловом удалось убрать, но столы и стулья носили зарубки от топоров и мечей, на что сразу обратил внимание могучий воин с варяжскими усами.

– Что здесь произошло, мать? – он вежливо улыбнулся старой знакомой. Та ответила тем же – она узнала спрашивающего.

– Людолов княжий лютовал. Порубил разбойных людишек.

Варяг кивнул, словно подтверждая слова. Второй гридь был мрачен. Лицо его было чем-то неуловимо знакомо, и хозяйка таверны силилась понять, где же это лицо она видела?

Кликнув подавальщицу, друзья заказали себе еды, мрачный устало тёр вески, степняк вертел в пальцах оберег на серебряной цепочке. Должно быть, просил помощи у богов или предков – порубежье было не так далеко, и к степнякам разных племен и вида хозяйка уже успела привыкнуть.

– Кого рубил? За ним гнались? – хозяйка вздрогнула – варяг по-прежнему был рядом, его глаза внимательно и цепко изучали ее. Словно видел в первый раз. И в этом было что-то неприятное. Опасное. Женское чутье, куда более сильное, чем у мужиков, говорило ей, что что-то не так, но она никак не могла понять причину своей тревоги. Вновь посмотрела на «мрачного». Варяг ждал ответа, и она продолжила.

– Нет, не гнались. На постое был большой десяток воев. Они и кинулись. На него и нас – не пойми зачем.

– Разве так бывает? Должен быть какой-то повод и...

– Да не знаю я, – неожиданно грубо, даже для себя, оборвала старого знакомого. Неопределенность нервировала, но она, спохватившись, повернула испуганное лицо к матерому воину:

– Прости, боярин. Столько всего нагладелись – не приведи Господь. Да и не знаем же мы ничего! Нелюдь, будь он неладен – ничегошеньки ж нам не сказал. Кто ж мы такие чтоб с нами чем-то делиться? Так – пустое место. Токмо ты, родненький, и заговариваешь с нами не чинясь, а для других мы людишки – малые.

Немигающий взгляд старого воина долгое время не отрывался от ее лица, затем взгляд смягчился, варяг кивнул и улыбнулся в усы.

– Это ты меня прости, мать. Сама понимаешь – служба. А тут – такое. Вернусь в Киев – сам людолова пообспрошу, что да как.

– Понимаю, родной, понимаю, – с облегчением заверила она. Он еще раз ей улыбнулся – он вообще, насколько она помнила, всегда был добрым и веселым человеком, хоть и грозным воином. Всегда был с шумной большой компанией, всегда щедро платил и не кичился родовитостью, хотя мог бы. С компанией... Варяг направился к своим приятелям за стол, а она, вдруг, вспомнила, где видела «мрачного» гридня и в какой, возможной, компании. С какими лицами ассоциировалось его лицо... Пытаясь себя разубедить и успокоить она обратилась к нему:

– Беляш! Отчего мрачный-то такой? Как дружок твой? Давно к нам не захаживал. Тоже на службе, поди? Ох и загоняли ж вас, как погляжу. А чего ты не с ним?

– Беляш? – спросила как раз подошедшая подавальщица, с большим кувшином пива. – Ты ведь вроде Зояром назывался, когда со мной в последний раз ночью того...

Зояр устало посмотрел на варяга, на подавальщицу, на хозяйку таверны, на мужей за соседним столом, тоже заинтересовавшихся разговором, и опять на варяга. Хозяйка таверны увидела, как громадные валуны мышц на спине старого знакомого закаменели, заставив кольчугу закрипеть. Он повернулся к ней и улыбки на его обычно добром, улыбчивом лице как не бывало. Их глаза встретились – он понял. Понял, что она теперь знает и понимает все.

– Я этого не хотел, – мягко сказал варяг, глядя хозяйке таверны прямо в глаза. – Не хотел.

– Ну, кто тебя за язык тянул, баба – устало сказал Зояр подавальщице, и потянул саблю из ножен.

Через два удара сердца корчма наполнилась криками, звоном посуды и звуками разрубаемой плоти.

Пир князя Владимира.

1 глава.

В зубе ползал целый рой злых лесных ос. Он буквально чувствовал их маленькие, колючие лапки которыми они царапали его исстрадавшуюся десну. Иногда осы жалили, и князь привычно прикрывал глаза – рой жил в зубе вот уже несколько дней. Иногда он затихал, и Владимир чувствовал, что у него за спиной, словно у молодого, вырастают крылья и он готов к подвигу... А иногда – как сейчас – гудел и жалил. Притирки и травы, коими снабдил его утром лечец, помогали лишь ненадолго. «Нет, все-таки придется обратиться к этому старому греку-дергачу» – текла раздраженная мысль, в промежутках между болезненной пульсацией. Не хотелось. Думалось что, все же, само пройдет, терпением князь никогда обделен не был... Однако, кажется, в этот раз – уже точно не тот случай. И опять у него, у могучего князя – будет на один зуб меньше. Зуб, который не вставить, не отрастить и не купить за какие-либо деньги, как и молодость. Зубы – вот одно из истинных богатств в старости.

От нового приступа боли, князь тихо зарычал от бессилия и, прямо из кувшина отхлебнул желчно-горький обезболивающий отвар. Кликнуть прямо сейчас лечца да прописать плетей ему, растудить его мать! Кустистые, седые брови сшиблись, как два богатыря на переносице – он хмурился, нервно пряча жилистые, в старческих пигментных пятнах руки, в широкие рукава дорожущего ромейского халата. Старость – проклятая старость – кого обманывать – он уже не тот могучий витязь, которым был еще дюжину лет назад! Его руки по-прежнему сильны и мускулисты – он ими и сейчас может легко задушить лесного волка, но князь чувствовал – и это скоро ему изменит. Когда-то он сумел сломать об колено и склонить по своему разумению, волю самого могущественного держателя в мире – диктовать ему свои условия, победить... Но старость. Старость – вот перед чем бессильны даже самые могучие воины и самые могущественные правители мира сего. Старость – не победить никак и никому.

Владимир встал с резного кресла, подошел к распахнутому окну. Глянул наружу – там дружинники-ближники и повара споро разделявали туши – дичины и домашнего скота. Охота выдалась славной – такого огромного лося, не уступающего размерам даже дикому быку туру, князь не видел еще ни разу! Видать скотий бог Велес, все еще его помнит и благоволит... Князь отдернул себя – сколько времени прошло с крещения, сколько времени не вспоминал всех этих языческих божков, а тут само в голову пришло. Человеку сложно из себя выбить окончательно старые привычки и веру. Скоро пир, скоро праздник... Оса вновь ужалила в десну – князь отвернулся, скривившись – чтоб даже случайный взгляд не видел, не устерег его слабости. Сейчас бы вскочить на лихого коня, помчаться, упиваясь свежим ветром, как ромейским вином – допьяна, как раньше, в молодости не раз! И, быть может, все пройдет? Нельзя. Стар для этого уже, по-старчески тяжеловат, стал – растрясет – еще хуже будет. Лучше в баню сходить, пропариться – авось и отпустит? В десне опять зашевелились протестующие осы – ну что ж за напасть?!

В дверь деликатно постучали. Князь взял себя в руки, усилием воли заставив себя не думать о мерзких, болезнетворных насекомых, громко оттолкнул:

– Входи, кто там?

Дверь отворилась, и в помещение шагнул Роальд – старый, лишь немногим моложе его, дружинник-нурман. Один из ближних, что был с ним еще с самого изгнания из Новгорода¹⁷. Позади, у дверей угадывались могучие фигуры двух братьев-близнецов-телохраните-

¹⁷ Имеется в виду начало междоусобных войн между Святославичами. Тогда Ярополк выбил Владимира из Новгорода и

лей, Рогдая и Ратмира, но им заходить было не велено. Позволено было только Роальду. Он степенно поклонился князю.

– Там приехали, княже.

– Ну, приехали – пусть располагаются. Хоромы чай – большие – все влезут.

– Да не. Это не к тому...

– День рождения у отца – не каждый день, – отрезал князь. – Кто бы не приехал – пушай располагается с боярами своими. Моя великокняжья воля.

– То не сыновья, Великий князь. То хан турпеев примчал со свитой.

– Тааак... – протянул князь, нервно пройдясь вдоль стены. – Та-ак!

Из Степи, в последнее время, много народов бежало к нему. Да и не только к нему – в соседние державы – так же. И вестей шло много. Разных. Иные говорили – из дальних земель теснятся племена другими племенами – все больше их выходит к границам княжеств. Вот привычных печенегов потеснили – откочёвывают те с родных мест под натиском огузов-торков. А тех – тиснят другие, малоизвестные народы из-за Камня. Сколько новых племен было? Не счесть – и имен-то всех не запомнишь! Селили на приграничье, давали землю, помогали строить городки. Пусть живут да защищают степные границы новой родины! С луком да саблём дружны? Пушай отрабатывают!

– Та-ак! – продолжил князь вкрадчиво. – И что? Чего надо ему? С чем пожаловал? Отмолвил, аль скромничает?

Нурман улыбнулся в длинные седые усы.

– С чем пожаловал – оно-то понятно. С сотнями голодных ртов и ободранных, голозадых степняков своих. А говорит мол, в сражениях с народами, что и нам не мирны – потеряли все и шибко поиздержались турпеи. Отмолвил что нет в Степи воинов лучше, чем у него, хоть и мало их. Что, мол, требует потому, взять его и орду его под свою руку, но чтоб веру их и обычаи – не трогали. Еще – коней, земли, еды дали – все как обычно, в общем...

Роальд осекся, только сейчас заметив, как медленно наливается кровью лицо Великого князя. Как выпучились глаза, как всклокочилась широкая, уже вся в серебряных нитях, борода, а рот перекосило хищным оскалом. Нурман заметно вздрогнул: он и раньше видел, как князь сердится – и в бою с ним был далеко не единожды, и как распоясавшихся врагов обламывал, на казни страшные посылал – все видел. Но сейчас, внезапно, на старого воина смотрела, казалось, сама Смерть, а злобное шипение, вырвавшееся из губ Владимира – показалось самым inferнальным ее дыханием.

– Требуется? Требу-ует... Хммм... Так-так – еще раз... Требуется... Он... Требуется... Требуется? Пес побитый... Примчавшийся ко мне за помощью... Требуется? Что сказал он? Говори! Точно говори!!!

В последних словах князь перешел с шипения на рев.

– Требуется с тобой встречи, – часто заморгав, ответил нурман, отведя глаза. На князя сейчас смотреть было тяжело даже ему, верному гридню.

– Бить пса! – взревел князь. – Какой-то дранный копченный смеет «требовать» чего-то у меня??? Меня?? Сей же час! Сей же час – бить его по-лицу, сиречь в морду, но не до смерти. Чтoб руда брызнула! Выпороть! Хузары мои пусть выпорют – они сие любят! И за врата! Пес степной шелудивый! Ишь... Быстро!

Как разъяренный лев князь метался по терему, не находя выхода злобе. Прислушался. Канувший за дверью нурман, судя по воплям – сделал все так, как и требовал его князь. Пару раз звякнуло железо – это, видимо, телохранители хана решили вступить за поруганную честь своего господина – плевать! Они все равно все уже трупы! И сам хан – труп. Князь так

решил, а значит это так! Такого отношения в Степи не прощают?! Ну, чтож, значит война с турпеями! Собрать дружины! Ударить! Разбить, размазать наглецов по степи – тогда и другим не повадно будет что-то «требовать». Пусть знают свое место, грязные животные! Требуют они! «Сам! Сам поведу!» – ярился князь. Рой в десне растревожено загудел, и князь поспешил к столу – там было холодное тьмутараканское вино – оно немного облегчало боль. Никогда князь не позволял себе так много пить вина за последние пару десятилетий, как в эти три дня. Сладкое, красное вино – успокаивало боль и успокаивало душу. Сейчас бы лечь-прилечь – на сутки, на боковую – и чтоб никто не смел трогать. Нельзя. Иногда даже сильнейшим владыкам мира – что-то нельзя – впереди пир, впереди поздравления от целой «орды» народов и сыновей. То еще испытание, но без этого – никак.

Сам того не заметив, в строгом запрете, князь задремал прямо в резном кресле – вспышка гнева немного успокоила нервы и слегка потушила пожар боли что грыз десну князя, и организм, нуждающийся в восстановлении, сам собой уснул, не смотря на все запреты.

Молодой и сильный князь, словно по-новому взглянул на привычные палаты княжьего терема, увидев, сколько пыли и грязи здесь, не замеченной им! Вон, в темном углу огромный паук доплетал паутину, но не на мух, а на крыс и мышей, кои были бы ему, по размерам в пору. Без страха, с гадливым любопытством, Владимир смотрел в восемь рубиновых глаз восьмипалого гада. Тварь оказалась не одна – по-всем углам, в темных щелях светились глаза подобных тварей, но более мелких. Однако здесь их целый выводок?! Жирный старый, седатый паук изредка подергивал ту или иную нить паутины и стремглав к нему неся другой паук, более мелкий, неся в передней паре лап то крысу, то белку. Один принес собачью голову – все это, самый крупный паук, с удовольствием и хрустом пожирал. Князь отвернулся от всей этой коленчатой-суставчатой мерзости, глянул в окно преобразившегося терема. Сквозь дорогое византийское стекло он увидел, как изменился и окружающий терем пейзаж: больше не было привычного леса, не было чистой свежести неба – были лишь тяжелые, бардово-свинцовые тучи, голый камень, покрытый пеплом да кости. Множество костей – они покрывали землю всюду, куда хватало глаз. «Что за навождение?» – князь тряхнул головой, прогоняя дурное видение, но оно никуда не делось и не исчезло. Молнии и могучий гром были ему ответом. Гром ли? Звук похож на грохот боевых барабанов степняков и дробный топот бесчисленной конницы. Что это? Откуда? Ветер воет за окном, но он слышится плачем, разбойным свистом и посвистом тучи стрел.

Прямо перед окном, из неоткуда появилась высоченная долговязая фигура, которую князь, по началу принял за человека. Только по началу, потому что при приближении ее он разглядел неправильные, не людские пропорции существа: длиннющие до земли руки торчащие из рукавов дранного балахона, длинную вытянутую шею, а главное – два ветвистых рога торчащие из человекоподобной головы. Наросты существа на голове рогами не были – это были руки, из которых росли другие руки, помельче, множество ладоней и пальцев. Существо шло мимо окна, не сбавляя шага, и все вздрагивало от его тяжелой поступи. Рука привычно потянулась к рукояти меча, нащупывая ее на поясе и никак не находя...

– Хеол... Хеоматтар, шеол! – зашипело сзади. Князь обернулся – то из своих щелей повывлазили пауки, исполняя странный танец, подняв свои отвратительные лапы кверху. С тревогой Владимир вновь воззрился в окно, но странного существа там уже не было – лишь погода стала еще поганее и разразилась крупным дождем. Что-то тяжело плюхалось и билось об землю и, присмотревшись, князь понял, что это был не дождь! Тяжелые багряные тучи низвергали сверху на землю обрывки и обрубки человеческих тел, потрохов и костей, вместе с потоками крови. «Ад! Я в аду!» – потрясенно решил князь.

– Ийе, хеол. Ий-йе, ий-йе, ий-йе! – вновь зашуршало, зашумело все вокруг – не в силах смотреть на развивающуюся бурю за окном, Владимир вновь отвернулся и увидел ЕГО. Существо стояло посреди комнаты, сутуло согнувшись, не вмещааясь в полный рост, потому что рога-

руки цеплялись за потолочную балку, что-то нащупывая и ища там. Вытянутая морда вблизи совсем не походила на человеческую, а скорее походила на обнаженный череп. Три громадных рубиновых глаза – не принадлежали привычному миру.

– Нхех, нрррах! – выдохнуло зловонием и старой, ископаемой пылью тварь, и от этого звука князь дрогнул всем телом.

– Демон... – прошептал он. Выхватил из-за голенища верный засапожник и метнул прямо в глотку твари – булатный нож прошел сквозь фигуру, как сквозь туман, не причинив никакого урона. Тварь тряхнула рогатой головой и, внезапно, пальцы и ладони на рогах зашевелились, словно извиваясь в жуткой конвульсии, хлопая и осуждающе указывая на него. Чудовище уронило несколько жутких, тяжелых звуков, и лишь с трудом можно было понять, что оно так смеется.

– Тебе не взять меня демон! – князь перекрестился и вынул из-за пазухи крестик на цепи. – Не взять! Не взять! Я – не твой! Прочь, обратно в ад, тварь! Не взять! Не взять! Не взять!

– Кнннннааааааазь!!! – проревело создание ада. – Кнннннааааа-я-азь!!!

Порыв ветра разбил окно, и накинута на тварь, как живой – ее конечности уплотнившиеся было в воздухе, рассеивало как туман.

– Кнннннааааа-я-азь!!! – ревело оно с такой силой, что он тоже закричал, закрыв ладонями уши.

Владимир вздрогнул всем телом, разлепляя веки, сразу скорчился, почувствовав болезненный укус рассерженного роя в десне.

– Князь!

Владимир, с потаенным страхом оглянулся на зовущего, но это был всего лишь Роальд.

– Пора, князь-батюшка. Уже гостей припело – тьма. Надо встречать, каждый видеть желает.

– Лечца позови! Пусть новую припарку готовит!

– Сделаю, батька! – старый друг кивнул.

Владимир тяжело вздохнул, прогоняя сонную одурь и дурное настроение, и поднялся на встречу неизбежному.

2 глава. Рыцарь.

Лошадиное копыто ухнуло в лужу по бабки, подняв тучу брызг. Рука в кожаной перчатке ласково натянула повод.

– Что там? – отрывисто спросил всадник.

Это означало, что одному из его сопровождающих надлежало немедленно ускакать вперёд и разузнать, почему длинная колонна лошадей и повозок, направляющих в княжий терем остановилась. Один из конников уже рванул было, когда причина затора открылась сама собой.

Княжий терем стоял на крутом холме, к нему вела и без того разбитая дорога, а теперь раскисшая по случаю дождя.

У одной из телег подломилось колесо, худая кляча не смогла вытянуть груз для праздника князя и теперь, вновь и вновь, съезжала вниз по коричневой жиже на разъезжающихся, подламывающихся от усилий ногах. Люди внизу, у подошвы холма, спешно расступались, уводя свои телеги на обочину, опасаясь, что застрявшая телега сорвется, и тогда столкновения и порчи товара – не избежать. Кто-то побежал помочь попавшим в беду.

Всадник раздумывал ровно три удара сердца, после чего слегка ударил шпорами коня. Огромный дистрэ, которому большинство здешних кляч едва доставали до середины плеча, с места взял в галоп, подняв настоящую волну грязи. Огибая крупные препятствия, не обращая внимания на в страхе шарахающихся людей, боевой конь вмиг доскакал до катящийся к низу повозки.

Смерды заголосили, а всадник снова легонько тронул шпорами бока коня и слегка натянул узду. Могучий зверь легко воспарил в воздух, будто невесомый, легко перепрыгнув и телегу, под перепуганные взгляды смердов и их клячи. Алый плащ его наездника воспарил крыльями, открыв красно-жёлтую котту с гербом (скрещенные меч и молот высекающие семь звёзд), длинный франкский меч и кинжал, притороченные к золочённому поясу, и так же быстро опал, когда конь коснулся копытами земли. Словно запрещая копошащимся вокруг смердам, глядеть на недостойную их красоту. Не здешней была и кольчуга, что покрывала руки всадника до запястий. Опытный купец легко бы определил, что бронь сделали у франков, причем в лучших оружейных! Кольца в кольчуге, в отличие от кольчуг привычных, в которых воевали большинство местных ратников, были разными: при одном размере, кольца на груди и плечах, там куда чаще приходился вражеский удар, были из более толстой проволоки, на подоле же и по бокам – из самой легкой и тонкой, но так же – достаточно прочной.

Копыта дистрэ ухнулись в грязь, вызвав дрожь земли, как удар тарана о ворота, всадник легко развернул всхрапывающего коня, повёл его боком, быстро догнав телегу, затем, наклонившись, схватил, словно тисками, клячу под узду и, сразу же, остановил падение телеги. В таких руках, что были у него, силы было на трех таких смердов, а в его коне – на целое стадо такой полудохлой запряжной скотины. Телегу уже развернуло боком по дороге, а лошадь вот-вот должна была свалиться в канаву. Коснувшись шпорами боков, чужеземец направил своего здоровенный коня вперед и, без труда, выволок телегу с измученной лошадежкой на ровную на дорогу.

– Спасибо, боярин! Ай, спас, помог... – бухнулся рядом в холодную жижу смерд.

– Молчать, – отрывисто с тяжёлым выговором сказал всадник. – Упираться пофозка с дорога. Жифо! Иначе бить! Больно бить!

«Боярин» продемонстрировал впечатляющего размера плетень. Слова всадник говорил отрывисто, не по-местному резко, будто лаял. Смерды ни слова, ни говоря более, бросились за работу, в страхе косясь на грозного всадника, кой брезгливо кривил губу, на не по-местному выбритом, надменном лице, наблюдая за их возней.

– Сир Рудольф, с вами всё в порядке?! – его стремительно догоняла кавалькада всадников. Это только бедные странствующие рыцари путешествуют в строго одиночестве – для знатного рыцаря в его путешествии было бы невозможным куда-то ехать без оруженосцев, конюхов, охотников, повара и конечно, небольшой вооруженной свиты. Один из сопровождающих держал полотняное желтое знамя с вышитым на нем двуглавым черным орлом. Рыцарь невозмутимо нашел говорящего – своего старого верного слугу.

– Хох.

– Не сомневаюсь в силе Буцефала и вашей, но стоило ли так рисковать из-за каких-то смердов?

– Они загораживали нам дорогу, – ответил на родном языке рыцарь.

– Мы могли бы сами...

– Кроме того, – перебил его сир Рудольф, посмотрев в пасмурное небо, – Мне скучно, Уго. Но я еще раз убедился, что мой покойный отец был прав.

Их отряд двинулся вверх по склону, и слуга поехал рядом, отставая всего на пол корпуса.

– В чем же ваш благородный лорд-отец был прав?

– В том, когда советовал раз в десятилетие – выжигать дома смердов до голой земли! В противном случае они, как видим, от достатка, становятся ленивыми и нерасторопными тварями.

Он не торопливой рысью направил коня вверх по склону, больше не обращая внимания на суетящихся людей.

На вершине кручи стояла крепость, и к ней вела только одна дорога. Сама круча, будто клык стремительно врезалась в реку, поэтому с трёх сторон была окружена водой.

На самый верх само по себе забраться было непросто, о чём свидетельствовало недавнее происшествие, но на вершине взору гостя этих земель, открывалась крепость. Рыцарь фыркнул, разглядывая непривычные его глазу черты чужого оборонительного сооружения. Неглубокий ров, потом вал, а над ним ряды частокола из толстенных брёвен – все это не производило впечатления надежного замка. Но, зато, красноречиво говорило о том, что хозяин его – никого не боится, полностью полагаясь на крепость меча и своих воинов. Изъезженную дорогу, стискивали башни, однако ворота были открыты. Рикс Вольдемер ожидал гостей.

Рудольф фон Оуштоф ещё издалека услышал залиvistые трели, скривился, Буцефалу тоже не понравились язычески завывания, судя по-нервному пряданию ушами. Но выбора не было, долг есть долг, и они въехали внутрь крепости, показав страже посольскую грамоту.

Местные шуты кривлялись и кувыркались в своих нечестивых нарядах. Рядом с ними выплясывали уже люди получше, возможно даже купцы. Одному из них поднесли ковш, наполненный доверху отнюдь не водой. Купчина выпил его до дна, пролив половину на чёрную бороду, бросил шапку, оголив потную лысину, захохотав, и опять пустили в пляс. Глядя на это, Рудольф укоризненно покачал головой – вот они недавние христиане! Возможно, он был бы более суров, если бы не помнил своих сервов, которые тоже на святых праздниках отплясывают языческие танцы. Отец, оно, конечно, говорил, но особо лютовать Рудольф себе не позволял, а на причуды смердов смотрел сквозь пальцы. Иные пасторы это сурово осуждали, другие, как пастор Альберт, спутник Рудольфа в его посольской миссии, говорили, что сервы – люди глупые и немощные, и не зачем от них многого требовать. Главное же, как считал сам рыцарь, чтобы они, сервы, платили положенные подати и церковную десятину, а об остальном позаботиться молящееся и сражающееся сословие. Он, Рудольф, считал себя добрым хозяином, а о душах сервов и телах позаботятся те, кому по рождению и положено ходить с крестом на одежде.

Языческие дудки, конечно, не сравнятся с церковным хором, но... они играли весьма забавно. Оуштоф, потрепал Буцефала по шее мол: «да мне тоже не нравятся эти варвары, но я их терплю». После чего решительно спрыгнул с коня и повёл его к конюшне, чтобы задать овса. Самому, не доверяя в таком деле каким-то слугам. Буцефал – это не какой-то мерин или рабочая кляча – это друг и товарищ, и перекладывать заботу о нем на кого-то, кто может сделать это хуже, рыцарь не собирался.

Пока Буцефал с хрустом разжевывал овес, Рудольф похлопывал его по шее, придерживая узду, осматривал непривычную конструкцию княжьего терема. Он был целиком из дерева, разве что фундамент имелся каменный. Да, в этом ему было далеко до прекрасных замков великой Империи Запада. Но размерами терем им точно не уступал. Пятиэтажный, сложенный из гигантских брёвен, на вид ничуть не уступающих по крепости камню, он был раскрашен в три цвета: алый, синий и золотой. Карнизы и наличники были искусно вырезаны (наверняка тоже не обошлось без нечестивых языческих символов), раскрашены отдельно, образуя особый узор, а по углам каждого этажа и на коньке стояло множество резных фигурок из дерева: лебеди, петухи, лошади и драконы. Шпили-башенки устремлялись вверх и оканчивались небольшими маковками, покрытыми жёлтой черепицей. Всё это было чуждо и непривычно Рудольфу, но он не мог не признать, что было достаточно красиво.

– Уго, дар князю на месте? – не оборачиваясь, спросил рыцарь.

– Да, в ларце, мой господин.

Рыцарь удостоил слуга одобрительным кивком.

Дни рождения князя праздновались по три дня, и после празднования в стольном граде, все важных гостей приглашали в личное поместье князя. Важных-то важных, но пастора Альберта, спутника Рудольфа по посольской миссии, не позвали, оставив в Киеве, а вот византийские лицедеи наверняка будут в избытке...

3 глава. Подарки.

Либо вино, либо пусть короткий отдых, пусть и с жутким сном, либо все вместе взятое, но что-то успокоила жалящих десну ос, до приемлемого гудения в челюсти, причем настолько что даже вид старшего сына не вызывал привычного раздражения – Владимир поудобнее расположился в троне, готовясь слушать.

Привычно скупой и сдержанный на эмоции Святополк, прямой как древко копья, привычно же первым взошел на резной, красный помост перед тронем. Годы его не щадили – залысина от высокого лба полумесяцем поднялась еще выше, глубокая морщина на лбу, казалось, стала еще глубже. Вспомнилось как однажды людолов, будучи еще мальчишкой, дурачась с княжичами на речке, метнул влажной глиной, которая, волей случая, со смачным шлепком попала на голову хмурого Святополка, закрыв все его и без того редкие волосы. Братья хохотали и долго дразнили его «лысым». А вот людолов лишь с трудом спасся бегством и его, Владимира, заступничеством – разъяренный молодой князь готов был зарубить его мечом. Теперь, чтобы залепить оставшиеся волосы на голове у Святополка – много глины бы не понадобилось, и только фигура князя Туровского, как и ранее, была стройной, подтянутой, сухой и строгой. Закусив на мгновение губу, он, словно вспомнив что-то неприятное, коротко поклонившись (это было больше похоже на кивок, но даже это не вызвало гнева, лишь неудовольствие), буркнул:

– С днем рождения, отец. Вот это – от нас тебе.

Помощниками князя выступили аж трое ляхов, судя по одежде. «Наверняка из свиты жены. Уже – спелись?! Быстро, однако, дочурка Болеслава*¹⁸ его своими окружает!» – вяло мелькнула догадка. Святополк сумел удивить – подарок оказался и впрямь дорогой: эмалированные парсуны его, Владимира, и его жены Анны. Великолепная, работа, дорогая вещь, всё бы ничего, если не та, кто была изображена на парсуне. Почему именно кесаревна Анна? Скрытый намёк? Упрёк? «Вряд ли... – решил про себя Владимир, – ...Слишком сложно и витиевато для простого как дудка Святополка! Скорее уж женка его – что-то имела ввиду. Но вот что? А пес бы их, баб, разобрал!» Старый князь присматривался к старшему сыну – принял уже тот, что не будет Великим князем после его смерти? Или нет? Придется уступить – придется. Силасилу ломит – что Святополково желания супротив его, Владимира, воли? Ничто! Турову ни в жизнь не сравниться с Киевом и все будет так, как решил Владимир! И Болеслав – не поможет! У него сейчас бойня с немцами. И свою буйную голову Святополку лучше не будоражить надеждами и чаяниями – великим князем будет не он, а тот, на кого укажет старый князь!

Стройный, широкоплечий, сухой телом Мстислав, широко и открыто улыбаясь, низко поклонился отцу. Далекая, солнечный Тмутаракань выжгла его кожу загаром почти до орехового цвета на бритом подбородке, но кожа под веселыми смеющимися серыми глазами была почти белой из-за полумаски боевого шеломы, который князю Тмутараканскому, по слухам, снимать приходилось крайне редко. Непривычно длинноногий для их породы, князь был одет в дорогое византийское платье с пояском, а на голове шапка, отороченная мехом, которую он придержал, кланяясь этим своим порывистым, резким, как и все остальные, движением. Он и сам, помнится, был резким и быстрым. Волосы князя, когда он обнажил голову, так же были убраны не по-русски – с боков на висках было выбрито, только на лбу и темени оставался светлый волос, зато затылок венчали три длинные косички, а в ухе, явно в подражании Великому деда*¹⁹, была серьга с красным карбункулом. Усы князь не сбрасывал полностью, но стриг, оставляя недлинную щетку над губами. Тонкий шрам, делящий правую бровь князя, лишь еще раз подчеркивал стать удалого витязя и балагура. В прочем, в отрочестве княжича, Владимир иногда ловил себя на мысли о том, что иногда, когда молодой Мстислав улыбался

¹⁸ Болеслав Храбрый. Князь, а затем король Польши. Являлся тестем Туровского князя Святополка.

¹⁹ Великий дед – князь Святослав Игоревич, прозванный русскими историками за неумную энергию в расширении границ своего княжества «Александром Македонским русской истории».

вот так вот, казалось, что не улыбка это, а хищный оскал барса. Он так же помнил, что сухой и обманчиво-хрупкий Мстислав всегда или почти всегда в борьбе клал на обе лопатки могучего Святослава, так гордящегося своей неимоверной силищей. Мышцы и жилы князя были ровно стальные канаты от постоянных воинских тренировок. Когда-то, навещая и гостя еще молодого Мстислава, не так давно ставшего полнокровным князем далекого южного города Руси, Владимир, при конной прогулке, вспомнил, как хвалят Мстислава обучающие его лучному бою белые хазары.

– Что, прям так и хвалят? – любопытствовал, по-молодому не удержав степенности Мстислав.

– Хвалят, – коротко кивнул Владимир, и чуть погодя добавил: – Говорят, мол, уже сейчас им сложно найти лучшего стрелка твоего возраста.

– Ну-у, – протянул Мстислав. – Врут поди.

– В птицу попасть сможешь? – хитро прищурился киевский князь. – Вон – стайка уток летит – как раз бы мне для обеда утятину. Попадешь?

Юный витязь загадочно улыбался словам отца, поглаживая своего хазарского иноходца по-шее.

– Ну? – подначил отец.

– Куда?

– Что – куда?

– Куда попасть?

– Не понял, – Владимир нахмурился.

– Куда попасть утке?

– Ну вот – так бы и говорил, а то – куда-куда, – нахмурился Владимир.

– Так куда?

– В жопу! – захохотал старый князь, откинувшись в седле.

Молодой князь вдруг стал пунцовым, покраснев на грубую шутку ровно девица, и киевский князь захохотал вновь. В ответ Мстислав таки вытащил свой короткий, но мощный степной лук из чехла при седле. Мгновение он смотрел на летящую, как ни в чем не бывало стаю, вдруг стукнул пятками в бока, всхрапнувшего коня, и помчал следом за стаей. Момент, когда молодой князь выхватил стрелу, Владимир упустил, зато услышал резкий, короткий посвист стрелы – и одна из птиц, словно наткнувшись на невидимую стену, штопором, хлопая крыльями, роняя перо, пала в высокую степную траву за бородатый курган.

– Отрокам своим скажи отец, чтоб утку сыскали, а то недосуг по-куширям нам с тобой шукать.

– И то верно, – согласился Владимир. – Нам это невместно!

И махнул рукой, послав вперед отроков. Какое-то время отроки искали птицу. Мстислав смотрел по-сторонам, словно его это не касалось, упорно делая вид, что не волнуется – старый князь лишь усмехался, наблюдая за этим.

– Нашли! – наконец послушалось из глубокой степной балки, сплошь заросшей ракитой и колючим кустом.

– Где стрела-то?

– В жопе, великий князь! – последовал ответ.

На сей раз расхохотался не только Владимир, но и сам Мстислав.

«Хазары, касоги, печенеги, торки да ясы... – думалось теперь Владимиру, глядя как возмужал и повзрослел средний сын – ... такого витязя натаскали – надо же. И печенеги от него горячими слезами плачут, и местным хазарам-касогам да ясам спуску – не дает. Надо же, каков, однако».

Между тем Мстислав сделал жест за спину и ближе к трону подошли с каким-то огромным свертком, ближники князя. «И ближники-то – сплошь хазары, касоги да огузы, ты глянь.

Ни одной полянской морды рядом!» – отметил про себя Владимир. Кривоногие, коренастые, степняки, впрочем, были привычны глазу – в своей дружине и не такого можно встретить даже, особо, не ища.

– Акбай! Неси!

Из тёмного угла вышел черноволосый здоровяк, с большим горбатым носом, взял длинный сверток из рук, с трудом приподняв.

– Кэсарский рог, для кэсаря, – не без труда выговорил, встав на одно колено и развернул сверток.

Великий князь даже привстал с трона от удивления – в свертке, в самом деле, был гигантский рог длиннее широченных плеч витязя Мстислава, инкрустированный резьбой и узорами, а также золотом и толстой драгоценной цепью. По залу прокатился рокот удивления.

– Славный рог, – совладал с собой, вновь одев маску невозмутимости, отмолвил князь. Знаком приказал воину подняться. – Мстислав просил за тебя. Как твое имя, воин?

– Акбай, великий кнэс.

– Славный рог, – повторил Владимир, – ... Но ещё более славен тот, кто его добыл. Рад увидеть под моей рукой, столь могучего воина.

– Служить тебе, честь, – выговорил Акбай, поклонился и отступил в свиту своего князя.

– Хорош витязь, сын, – одобрил Владимир. – Скромный, воспитанный, сдержанный. Где берешь таких?

– То, отец – длинная история, – загадочно улыбнулся Мстислав. – Как-нибудь расскажу тебе, сейчас – не ко времени.

– Ну, добре, – кивнул среднему сыну отец и тот, еще раз поклонившись в пояс, ушел со своими к гостям, уступая помост следующим.

Князь Святослав, правитель древлянских земель, неспешно, степенно взошел на помост перед отцом и поклонился так же неспешно, глубоко. Как же не похожи были эти два брата!

В крови князя Святослава, помимо крови славян и варягов через отца, текла так же буйная германская кровь через его мать, Мальфриду, богемскую княжну. Даже в легкой шелковой рубаше и широченных, дорогой крашеной ткани шароварах, древлянский князь казался, тяжел и широк. Если у Мстислава походка была легкой, мягкой – ровно у кота какого, то могучий Святослав и в этом отличался, ступая тяжело, плотно. И вправду, даже на первый взгляд – не было в нем стройности и тонкости в поясе брата из Тьмутаракани. Зато грудь – как печь в гриднице, на ребрах – мышцы-подушки, отталкивают в стороны длинные тяжкие руки. Богатырь, а не князь! За ухом к затылку – длинный сабельный разруб прячется в густящей гриве волос, и оттого, видно, тянет князь голову в левый бок, ровно размышляет или присматривается. Широченная, длинная, темная борода и подавно, на глаз, увеличивала тяжесть и мощь фигуры сына. Усов Святослав тоже никогда не стриг, и потому опускались они у него в бороду на грудь, как два живых, шевелящихся щупальца. Страшная сила скрывалась в плечах и руках древлянского князя – не раз видел Владимир как подвыпивший Святослав, заспорив, красуясь силой, на спор же, одним ударом своего страшного, в половину длиннее обычных, меча разваливал быку череп – от рогов до ноздрей, или подковы гнул сразу по две.

Святослав низко поклонился, поклонились и пришедшие с ним. Не мог не взять с собой сын и своих сыновей – Святовида, Володаря и младшего своего, Яна. Первые двое – пошли в отца, румяные, кучерявые, русоволосые здоровяки, а вот третий, светло-сметанной головой с прямыми волосами – в мать.

– Здрав будь отец мой! – гулкое эхо грохочущего голоса долго испугано металось еще по углам терема, когда князь продолжил. – Долгие годы жизни тебе! Прими и от нас с сыновьями подарочек.

– А чего других внуков не взял с собою? Аль наказаны?

– Не, отец. При дружине оставил – озоруют в наших землях беглые степняки да другие лихие людишки. Пушай учатся. Не все ж мне старому ратиться.

Владимир покивал, мол «верно-верно – не всеж тебе, самолично, за каждым татем бегать». Древлянский князь, приняв кивки за нетерпение, махнул рукой – и старый, еще из его дружины, варяг Могута, ныне воеводствующий при Святославе, кряхтя, поставил большой ларец перед князем, до краев наполненный золотыми кубками да украшениями не местной работы.

– Добро, – одобрил Владимир, и помягчав голосом, улыбнулся старому боевому товарищу. – Могута, старый ты черт, все еще жив?

– Даже в седле княже, – с улыбкой, достойно ответил старый воин.

– Ах, ты ж. А сие откуда? С кем ратились? Явно ж не нашеенское! А я и знать не знаю! Кого примучивали?

– То можно спросить у угров, Великий князь. Они, как прознали, что князь Святослав собирает войска в помощь карпатским хорватам – вмиг мириться примчались! Да даров нанесли с уверениями, что интересов к землям долины Боржавы и Латорицы – более не имеют.

Владимир усмехнулся. Еще бы – венграм житья не давал германский император и византийский кесарь. Да и с ляхами – не добрососедские отношения, а тут в спину – еще и Святослав ударил бы?! Куда б бежали? Кругом враги! Молодец сын – крепкий страж границам владений, ежели что!

4 глава. Заботы гера Рудольфа.

– Хороший конь, я бы такого купил? – вопрос отвлёк рыцаря от размышлений. А отвлёк, потому что был сказан на чистой латыни, а в диких местных землях такое услышишь не часто.

Рудольф удивлённо вскинул бровь, обернулся.

Перед ним стоял молодой воин, судя по дорогой сабле, висящей на перевязи и без сомнения, высокого положения: носит одежду из атласа и бархата, с множеством золотых канителей, которые так любили и у него дома, и здесь – цепь, браслеты, кольца. В прочем и без этих вот подчеркнуто-статусных предметов, просто по самому их обладателю, рыцарь признал бы не последнего, для местных, человека. Гордая осанка, карие глаза, уверенный взгляд, волевой подбородок, курчавые чёрные волосы. Волос на юном лице почти не было, только едва пробивающиеся чёрные усики. Человек из благородной, как и он сам, семьи – был бы полезным знакомым в будущем...

– В ваших краях не принято обращаться, не представившись, – радушно, но, тем не менее, соблюдая этикет, ответил рыцарь.

– Гости в наших землях, нам что родственники, поэтому так мы к ним и относимся. Но я представляюсь. Меня зовут Тахэ сын Матаха. Я – княжий гридень.

Улыбка сползла с лица Рудольфа. Скривился, будто куснул спелое на вид яблоко, которое оказалось кислым. Значит этот – иудей! Собака-иудей... Правда, он был не похож на виденных им ростовщиков, в Нюрнберге, но тем не менее. Интересно откуда он? «Должны быть из тех самых белых хузар, давно принявших ложное учение, и теперь служащих князю,» – размышлял рыцарь, повернувшись спиной к недавнему собеседнику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.